

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЛЮБОВЬ ЗЛА

ИЛИ
НОЧНАЯ
БАБОЧКА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Ночная бабочка. Кто же виноват?

«ЭКСМО»

2007

Колычев В. Г.

Ночная бабочка. Кто же виноват? / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2007 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-20889-0

Говорят, любовь зла. Бывший сержант-десантник Корней убедился в этом на собственном горьком опыте. Полюбил он редкостную красавицу Вику, и никакая сила не может заставить его расстаться с ней. Даже эти невзгоды, что сыплются на его голову одна за другой. То чуть в тюрьму не угодил из-за нее, то в психушку попал. Но оказывается, это еще цветочки. Его конкуренты в бизнесе сделали Вику разменной монетой в крупной игре против него. Он узнал, что она стала «ночной бабочкой». Значит, теперь есть только два исхода – либо он убьет ее, либо погибнет сам. Ведь разлюбить ее он не в силах...

ISBN 978-5-699-20889-0

© Колычев В. Г., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Ночная бабочка. Кто же виноват?

Глава 1

Истории бывают разные – от личных до всемирных. Братья Люмьер въехали во всемирную историю на «прибывающем поезде». Я же, похоже, готов был вляпаться в историю – но из-за отбывающего поезда. Правда, эта история – моя личная. И грозящие проблемы, разумеется, личного характера. Придется покупать новый билет, ждать следующего поезда. И в деньгах потеря, и во времени. А у меня негусто ни с тем, ни с другим. Солдат срочной службы ограничен в деньгах, а каждый час отпуска – на вес золота. Такая вот беда в России: срочная служба долгосрочная, а отпуск – краткосрочный... Так думал я, глядя вслед уплывающему вдаль вагону. Так думал я, в отчаянном спринте пытаюсь его настичь. Еще есть время, еще не закончилось асфальтовое покрытие перрона, еще есть возможность сохранить и даже увеличить скорость...

«Постой, паровоз, не стучите, колеса»... Кондуктор, зараза, на тормоза не жмет. Но я сам, я справлюсь. Еще немного, еще совсем чуть-чуть... Есть!.. Одной рукой я хватаюсь за поручень в пластиковой оплетке, запрыгиваю на подножку. Вторая рука занята – в ней чемодан: шило-мыло, все такое. Нет свободной руки, которой можно было бы помахать провожающим. Да и отстали они сильно. Три точки вдали, под навесом перрона. Друг мой Пашка и две девушки – его Лена и моя Таня, которая раскрашивает в радужные тона унылость моего армейского существования. Симпатичная девушка, учится в педучилище, снимает полдома на пару с Леной – что важно, недалеко от нашей части. Мы к ним с Пашкой и в увольнение ходим, и в самоволку бегаем. Ну, чем я там с ней занимаюсь, это мое дело. Скажу только, что нет у меня повода жаловаться на нее. Может, ну его, этот поезд? Ведь дверь мне никто не открывает, а вагон самый что ни на есть современный – без открытого тамбура, как это было в старину. До следующей станции час, а то и два ходу. Ноябрь месяц, само по себе холодно, а тут еще встречные потоки морозного воздуха. Так ведь и околеть недолго... А под одеялом у Тани так тепло и уютно. Кому как не мне это знать – только что оттуда...

Но нет, спрыгивать с подножки не стану. Завтра утром я буду в Москве, там меня ждут, готовятся к встрече. Да и проводница уже через окно на меня смотрит. Глаза – два медных пятка на солнце, рот полуоткрыт. Как на идиота на меня смотрит, хотя у самой вид идиотский – извините, что так о женщине...

К счастью, вагонная дверь открывалась внутрь, а то бы досталось мне – уж больно резко распахнула ее проводница. Смотрит оторопело, как вваливаюсь я в тамбур. Хотя бы чемодан взяла... Ладно, спасибо ей за то, что билет не потребовала, прежде чем впустить.

– С ума сошел! – выдала она, закрывая за мной дверь.

Было бы странно услышать от нее что-то другое. Я сделал возмущенные глаза:

– А парашют?

– Какой парашют?! – ошарашенно уставилась на меня женщина.

– На котором я к вам прыгнул... Вы же видите, что я десантник...

Что правда, то правда. Действительно, в своем бесславном лице я представлял славные воздушно-десантные войска. Старший сержант Корнеев, замкомвзвода разведроты парашютно-десантного полка. Кличка, то есть позывной – Корней. Имя... тоже Корней. Дед Корнеем был, отец – Корней. Ну и мне досталось... В принципе ничего страшного. Корней – чисто мужское имя, крепкое, основательное. Да я и сам не слабак. Кто не верит, тому доказывать ничего не буду. Не до того...

– Охальник ты, это я вижу... – Женщина, похоже, поняла, что ее дурачат. – Парашют свой показывай!

– Так я же про него и спрашиваю...

– А я про билет твой спрашиваю. А то как бы с поезда выпрыгивать не пришлось, без парашюта!

С юмором женщина, уважаю таких. И билет всегда готов предъявить.

– Третье купе, двенадцатое место...

Это было сказано таким тоном, как будто не билет предписывал, а проводница единолично решала, кому какое место занимать. И голос командный – как у взводного. Находишься сейчас в прострации, будь глупым «духом», мог ответить «Есть!» и строевым шагом отправиться в указанном направлении. Но у меня полтора года службы за плечами, я уже «дед», почти «дембель». По весеннему приказу в апреле-мае в этом же поезде, но уже насовсем отправлюсь домой.

– Сэнк'ю!.. – весело подмигнул я проводнице и степенно-развязной походкой направился к своему купе.

На ходу бросил, не оборачиваясь.

– Чистое белье и чай!

– Иди, иди!

Да, был бы я лордом в черном смокинге и с толстой стопкой фунтов в кармане, я бы услышал в ответ четкое: «Да, сэр! Всегда рады, сэр!». А тут иди, и не просто иди... А чем, спрашивается, солдат, пардон, сержант Российской армии хуже заморского лорда? От него хоть практическая польза есть, он Родину защищает... Правда, не совсем понятно, от кого. Америка и НАТО с недавних пор для нас как бы друзья, никто вроде бы нападать на нас не собирается. И внутренних войн нет. Разве что в Чечне, говорят, какая-то заварушка. Но там свои со своими воюют, ну, наши оппозиционерам вроде бы помогают. Ну, и в Осетии еще беспокойно... Ну да ладно, не надо о плохом, тем более в такой день.

– Кондуктор не спешит, кондуктор понимает... – тихонько пропел я.

Это уже другая песня. Но и здесь кондуктор... Только с девушкой своей я распростился не навсегда. Я еще вернусь, еще как минимум полгода буду дружить со своей Танюхой. А как максимум... Об этом не хотелось думать, но, если вдруг Танюха залетит, тогда придется жениться на ней. Может, я и не произвожу впечатления серьезного человека, но как бы то ни было, у меня есть определенные жизненные принципы. Поэтому прежде чем спутаться с девушкой, я стараюсь примерить ее на роль своей будущей жены. Если в этой роли она меня хоть мало-мальски устраивает, тогда даю себе зеленый свет. Если нет, то все равно зеленый свет, но с предохранителем. Танюха – девушка симпатичная, добрая и хозяйка хорошая. Так что если вдруг что, можно будет потом забрать ее с собой в Москву...

Хотя, конечно, лучше без этого. У меня вся жизнь впереди. И сколько еще женщин может быть. А обручальное кольцо – это как гиря на ноге утопленника... Но в то же время не так уж я и молод, чтобы бояться обременить себя семьей. Моему другу Пашке только-только двадцать лет исполнится, а мне уже двадцать четыре, так-то вот. Да что там Пашка! Командир моего взвода, и тот на целых два года младше меня.

Но Урусов – командир взвода и лейтенант, а я – его заместитель и всего лишь старший сержант. Урусов окончил высшее военное училище, а у меня – среднеспециальное и неоконченное высшее образование. Машиностроительный техникум за плечами, почти четыре курса технического университета. После пятого курса мог бы получить диплом инженера и лейтенантские погоны – тогда если бы служил, то в офицерском звании и на офицерской должности. А так я тащу срочную службу со всеми ее солдатскими тяготами и лишениями. И все из-за одного нехорошего человека... Ну да ладно, что было, то было; что есть, то есть... Простился старший сержант Корнеев со своей девушкой, но не навсегда. Да, я еду домой, в отпуск. Но

снова вернусь к своей Танюхе. Хочу я этого или не хочу, но вернусь. Да и хочу я вернуться к ней. Нравится она мне. И если вдруг что, ребенок без отца не останется...

В таком вот благородно-героическом настроении я отодвинул в сторону дверь своего купе. И застыл столбом, потрясенно уставившись на свою спутницу... Вообще-то, соседей по купе было трое: мужчина, женщина и юная девушка. К ней, к этой юной особе, и прикипел я взглядом. Такой красоты я еще не встречал... Назвать ее красавицей значило не сказать ничего. Я даже не знаю, как выразить словами, как она была красива. Густые и ровные волосы темно-русого цвета, большие аквамариновые глаза, большой четко очерченный рот, совершенной формы овал лица... Я видел женщин с роскошными волосами, с такими же красивыми глазами, с идеальными чертами лица. И в жизни видел, и на обложках глянцевого журнала. Но ни одна красотка не могла произвести на меня такого ошеломляющего впечатления, как это диво дивное... Может быть, даже не в чертах лица дело. Вот увеличь ей носик, уменьши ротик, расширь скулы, удлини подбородок... И даже после этого она все равно будет сногшибательно красива. Потому что в глазах сила ее красоты, в глубинах души, где у нее находится мощнейший источник женского обаяния... Впрочем, я мог ошибаться – как всякая жертва колдовского наваждения. Но я не ошибался. За какие-то несколько мгновений я зарядился стопроцентной уверенностью, что более совершенной красоты не существует.

– Эй, парень! Тебе чего? – одернул меня мужчина.

Из состояния транса он меня не вывел, но все же заставил обратить на себя внимание. Мужу лет под сорок. Спортивного телосложения, в спортивном костюме. Большие залысины, высокий лоб, широкая переносица, асимметрично посаженные глаза, массивный подбородок с ямочкой.

– А-а, у меня билет сюда... – растерянно пробормотал я.

И увидел, как недовольно поджала губы женщина... Только сейчас я заметил, что и она довольно-таки хороша собой. Тот же овал лица, такого же цвета большие глаза... Такая же красивая, но совсем не такая молодая. И далеко не столь ошеломляющая. Нетрудно было догадаться, что юная красавица приходилась ей дочерью.

– Точно сюда? – с досадой спросил мужчина.

Он тоже не скрывал своего недовольства. И очень хотел, чтобы я ошибся номером... Да я и сам засомневался. Вроде бы третье купе, вроде бы двенадцатое место свободно. Вроде бы не ошибся... Но вдруг я попал в какое-то другое измерение? Ведь в моем родном земном измерении водятся только земные красавицы, а здесь нечто иное, совершенно невероятное...

Я неуверенно пожал плечами и глянул на свой билет.

– Да нет, все правильно...

– Да, повезло, – обреченно вздохнула женщина.

Пожалуй, ее можно было понять. До Москвы ехать и ехать. Семья из трех человек удобно расположилась в четырехместном купе. Все трое переоделись в спортивные костюмы и замерли в ожидании – пошлет им судьба соседа или нет. Здорово, если нет... Поезда тронулся. Нет соседа!.. А тут раз, и такой облом. Здравствуйте, я ваша тетя! То есть «дедушка» Российской армии. Сейчас он снимет свои сапоги, и бедные люди задохнутся от казарменного смрада... Не дождутся! Я в конце концов не какое-то пришибленное чмо, а цивилизованный «дед». И не сапоги на мне, а офицерские берцы. Носки совсем свежие: сегодня утром чистые надел. Ведь я же знал, что с людьми буду в поезде ехать, а не с баранами в скотовозе. Камуфляж на мне совсем новенький – спасибо старшине. Ну, вспотел малость, пока за поездом бежал – тельняшка потом напиталась. Но это уж извиняйте, хочешь ездить в отдельном купе – выкупи его целиком и не горюй... Впрочем, девушка не морщила свое прелестное личико. Похоже, ее совершенно не смущал свалившийся на голову солдатик. Скорее мое появление обрадовало ее, чем огорчило. Хотелось бы, чтобы мои чаяния соответствовали действительности.

– Мама, офицеру, наверное, нужно переодеться, – мило улыбнулась прекрасная незнакомка.

Как будто фиалковое поле расцвело посреди кактусовой пустыни.

Девушка обращалась к матери, но смотрела на меня. Приветливая улыбка, чувственный взгляд, нежный завораживающий голосок. От волнения у меня вдруг стали отниматься пальцы рук... Никогда в жизни я так не волновался, как сейчас. Настоящий ураган чувств... Определенно, я находился во власти дьяволь... о, пардон!.. ангельских чар.

– Это не офицер, – надменно усмехнулся мужик. – Это... э-э, сержант... Кажется, старший.

– Старший, – без особой гордости за себя кивнул я.

– А если не офицер, все равно переодеться надо...

Золотые слова. Из золотых уст... Я смотрел на красавицу, как мог смотреть древний грек на богиню любви Венеру, спустившуюся к нему с Олимпа. Восторженно смотрел, замороженно, влюбленно. Ураган страстей раскачивал меня изнутри...

Мужику очень не понравилось, как я смотрел на его дочь. Нахмурил брови, угрожающе сузил глаза, поджал губы.

– Вика, тебе нужно выйти, – глядя на меня, обратился он к девушке.

Значит, ее зовут Вика... Вика, Виктория. Прекрасное имя... Впрочем, я был в таком состоянии, что готов был восторгаться любым именем – Фросей, Дуней, – если бы оно принадлежало моей юной соседке... Моей... Пока лишь соседке, но уже моей...

– И тебе, Ася...

Сначала из купе вышла мать Вики, затем она сама. Я не удержался и проводил ее восхищенным взглядом. Только сейчас я заметил, что у нее великолепная фигура. Впрочем, иначе и быть не могло... Даже мешковатый костюм не мог скрыть волнующие изгибы ее стройного стана. А если бы на ней сейчас было облегающее вечернее платье с открытой спиной? Я мысленно представил ее в этом наряде и чуть не затрещал по швам от переизбытка распирающих чувств.

– Глаза сломаешь! – рявкнул на меня мужик.

Но словами он не ограничился и дал волю рукам. С силой схватил меня за ворот куртки и дернул, разворачивая к себе лицом. Удивительное дело, но ему это удалось – он смог развернуть меня. И удалось без катастрофических последствий для себя. Ведь я мог заартачиться, а мог и чисто рефлекторно ответить грубостью на грубость. А удар у меня мощный – даже если бью без размаха... В школе я занимался боксом, в институте увлекся самбо, а в армии прошел курс упрощенного рукопашного боя, состоящего из десятка простых приемов. Упрощенный стиль, но отнюдь не упрощенный курс. А приемы только с виду простые, в деле же – очень эффективные, в условиях боевых действий просто незаменимые... Словом, мужик мог нарваться на качественные трендюля. Но бить его я не стал. А вдруг это мой будущий тесть?.. От такой перспективы захватило дух. И вся моя агрессия сошла на нет. Даже когда он схватил меня за грудки, я не дал воли рукам. И головой его бить не стал, хотя мог.

– Не смей так смотреть на мою дочь, солдафон! – зашипел он.

Мне ничего не оставалось делать, как поднять руки. Дескать, сдаюсь. Он оттолкнул меня с чувством исполненного долга.

– То-то же!.. А теперь снимай свой ватник и дуй на свою полку! – распорядился гипотетически будущий тесть.

Он сомневался, что у меня есть спортивный костюм, в который я мог бы переодеться. А сомневался он зря, потому что мой камуфляж и был для меня спортивным костюмом. И спортивным, и боевым, и даже водолазным – сколько раз приходилось преодолевать в нем водные преграды. А уж для путешествия в купе он годился вне всякого...

Недолго думая, я зашвырнул свой чемодан на верхнюю полку над дверью, туда же записнул теплый бушлат. Снял берцы, убрал их с прохода и в одно касание запрыгнул на верхнюю полку, которая, надо сказать, находилась напротив нижней, на которую вот-вот должна была вернуться прекрасная Вика.

– Ты не обижайся, парень! – пошел вдруг на мировую мужик. – Был бы ты отцом, ты бы понял... Растил дочь, растил, а тут всякие...

– Я не всякий... – осмелился возмутиться я.

– Да, но ведь смотришь, как волк на ягненка. Облизываешься... Знаю я вас, служивых. Голодные, как те волки... Не надо на мою дочь так смотреть, не надо. Не для тебя растили...

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент в дверь постучали.

– Ну, ты меня понял! – заключил он и отодвинул в сторону створку двери.

Купе заполнилось волшебным светом. Это появилась Вика. Застенчиво улыбнулась мне и села рядом с отцом – напротив меня, как я и рассчитывал. Опустила глаза и снова подняла их на меня, снова улыбнулась – так же смущенно.

Не скажу, что природа наградила меня внешностью записного красавчика-плейбоя. Но на отсутствие женского внимания я, в общем-то, не жаловался. И школьные романы были, и в институте амурные интриги в такие карусели закручивались, что насилу с них спрыгивал. Сам спрыгивал, хотя, бывало, и спихивали меня. Была у нас в институте мисс – фигурка ничего, но личико такое, хоть полотенцем занавешивай. Ей бы вуаль носить, а она густо красилась, отчего становилась похожей на ведьму в самый пик шабаша. И еще чары пыталась в ход пускать – клеила парней без всякого зазрения совести. Однажды и у меня с ней закрутилось. Одна хмельная ночь, после которой я всерьез стал ломать голову, как спровадить эту мисс так, чтобы не обидеть. Думал, думал, в конце концов придумал, но сказать ничего не успел: она меня опередила. И сама заявила, что между нами все кончено. После чего с легкой душой переключилась на следующего парня... Затем был еще один случай. Такая же страшенькая особа, и такая же роковая. Но эта сразу сказала мне, что я ее не устраиваю. И даже объяснила, почему. Оказывается, ей принц нужен, а я, увы и ах, в эту категорию не вхожу... И вообще я давно заметил, что с девушками посимпатичней всегда легче общаться, чем с девушками пострашней. С красотками всегда все клеилось, а с дурнушками чуть ли не через раз облом... Может, только со мной так, может, вообще. Но, так или иначе, глядя на Вику, первую из первых красавиц, я чувствовал, что у меня есть шанс на взаимность с ее стороны. Она уже начала втягиваться в любимую игру всех времен и народов. Игра в переглядки. Я посматривал на нее, она посматривала на меня. Я вкладывал в свои взгляды жар своей души, она мне мило улыбалась в ответ... Неужели я ей нравлюсь? Неужели у меня есть шанс?

Но к той же игре подключился и ревнивый папаша. Один раз глянул на меня, второй. И как итог:

– Вика, пересядь!

В этот момент я готов был его убить. Но, разумеется, волю своим чувствам не дал. Даже взглядом не выразил свой гнев. И обиду сдержал. Просто зарылся лицом в подушку, когда послушная Вика исчезла из виду. Мне бы сейчас хоть немного поспать – уж больно веселой выдалась ночь. Но как я мог заснуть, когда совсем рядом находилась девушка моей мечты. Раньше я о такой красоте и мечтать не мог, зато сейчас весь в мечтах... Вот ее родители уходят из купе, мы остаемся с ней наедине, она спрашивает, как меня зовут, мы знакомимся. Потом... Нет, нам совсем не обязательно бросаться друг к другу в объятия. Это даже чересчур. Чтобы ощутить себя полноценно счастливым, мне достаточно было сидеть напротив нее и смотреть в ее чудесные глаза... И вот я сижу напротив нее, люблю ее, наслаждаюсь ее чудным голоском, и вдруг в купе врываются два... нет, три типа. Они оскорбляют Вику, набрасываются на нее, но я встаю у них на пути непреодолимой каменной глыбой. Никаких слов, только язык силы.

Один в нокауте, второй... Третий в страхе перед неминуемой расправой убегает сам. Вика благодарит меня за чудесное спасение...

«Спасибо тебе, любимый... Я знала, что ты самый лучший...»

Она нежно целует меня в щеку. Затем обвивает своей тонкой ручкой мою шею, страстно целует в губы... Это совсем не обязательно. Но, разумеется, я с удовольствием принимаю ее инициативу, более того, перехватываю ее, беру все в свои руки – все, в том числе и саму Вику. Укладываю ее на полку, расстегиваю «молнию» ее куртки, под которой ничего нет. Взгляду открывается ее чудная налитая грудка с аппетитной вишенкой сосца...

«Руками не трогать!» – голосом своего отца взрывается Вика.

Да и не Вика лежит подо мной. Я вижу перед глазами разъяренное мужское лицо...

«Не-ет!» – в ужасе вскричал я.

И проснулся... Думал, что не засну, а тут на тебе. И на старуху бывает проруха, и на старика-«дембеля»... Постукивая колесами, поезд продолжал нести меня в родные края. Подо мной только простыня, матрац и подушка. А мужик на своем месте. Поблескивая залысынами, истребляет жареную курицу. Внизу за столиком – пир горой. Что именно едят, я не знал. Потому что мог видеть только куриное крылышко в руках пожирателя птиц. Зато я знал, вернее, догадывался, что Вика принимает участие в трапезе. Лег на живот и сделал вид, что люблюсь проносящимися мимо пейзажами. А сам посматривал на стол, а если точнее, на ее ручку, которой она изящно счищала скорлупу с яйца...

Ее отец обратил на меня внимание, когда от курицы остались добела обглоданные им косточки. Умаялся, мужик, раздобрел. И даже чуточку подобрел в отношении меня.

– Есть хочешь? – любезно спросил он.

Я пожал плечами. Честно говоря, было бы неплохо заморить червячка, который грозил разрастись до размеров анаконды. С утра ничего не ел. Проспал свой час, в суматохе сборов было не до завтрака. Танюха порывалась пожарить яичницу, да я отмахнулся. И правильно сделал, а то бы точно опоздал на этот поезд... А если бы опоздал, то никогда бы не встретился с Викой... Какое счастье, что не опоздал... А то, что есть хочется, не беда. Я же десантник, и меня учили по несколько дней обходиться без еды и питья. А тут какие-то сутки...

– Если хочешь, то присаживайся, – великодушно разрешил Викин отец. И так же великодушно добавил: – Мы сейчас соберемся, а ты располагайся...

Сие означало, что питаться мне предлагалось сухпайком из собственных запасов. А я-то грешным делом подумал, что меня приглашают к столу.

Я кивнул, соглашаясь. Но вниз спускаться не стал. Хотя был бы только рад хоть какое-то время визуально пообщаться с Викой. Да вот беда, собственных запасов у меня не было, нечем было подкрепиться.

Но через пару часиков все же пришлось подняться. Мочевой пузырь звал меня в дальний конец вагона, и не было больше сил игнорировать его пожелания. Из туалета я вышел в тамбур. Закурил. Дым крепкий, не фильтрованный – приятно закружилась голова, и было бы здорово снова завалиться на полку. Но засосало в желудке. Очень хотелось есть. Да, я мог несколько суток подряд обходиться без еды и питья, но только в условиях их полного отсутствия. Ну а поскольку в поезде имелся вагон-ресторан, а у меня водились кое-какие деньги, то проблема с обедом решалась сама собой...

Из вагона-ресторана я возвратился с чувством сытости в желудке и умиротворения на душе. За окнами поезда по лесам и долам стелился хмурый ненастный день, но настроение у меня все равно светлое. В самом поезде было сумрачно, зато в моем купе вовсю светило солнце – это улыбалась Вика, глядя на меня. Улыбка застенчивая, но все равно ослепительно яркая. Но тут же на мое «солнышко» надвинулась темная туча – в лице ревнивого папаши. Он грозно глянул на дочь и сверкнул молнией в мою сторону. И, чтобы не разразилась гроза, мне пришлось лезть на полку.

Снова захотелось спать. И снова я понял, что заснуть не смогу. Потому что Вика совсем рядом. Да, у меня не было возможности ее видеть, но я мог ее чувствовать...

Поезд плавно покачивался в такт движения, убаюкивающий перестук колес, в вагоне тепло и комфортно... Но я не заснул. Я точно знал, что не смогу заснуть...

Викин отец молча поднялся со своего места и вышел из купе. То ли приспичило, то ли еще что, но в купе стало на одного мужчину меньше. А коварные злодеи только того и ждали. И самым наглым образом ворвались в купе. Те же самые знакомые морды, с которыми я совсем недавно имел дело. Один тип схватил Вику, другой ее мать. Я понял, что должен вмешаться. Но также я понял, что это всего лишь сон... Понял и проснулся...

В купе тишина. Никаких злодеев, никаких безобразий. За окнами темно, под потолком горит свет... Все-таки заснул. И, судя по всему, проспал не один час. Я глянул вниз и оторопел: Вика находилась в поле моего зрения. Она сидела, опустив глаза в лежащую на сомкнутых коленях книгу. Читает. А рядом с ней никого. Ни отца нет, ни матери. Только она одна. Ну и я еще – сбоку припека...

Я не стал ломать голову над тем, куда подевались ее родители. Не суть важно, да и не до того. Я напряженно думал, как заговорить с Викой. Должен же я был воспользоваться столь удобным моментом, чтобы завязать знакомство. Но на ум ничего не приходило. Я не знал, с чего начать разговор... Я?! Не знал?! Удивительное дело. Ведь последний раз неловкость в общении с женщинами я испытывал на втором курсе техникума. Тогда я был неопытным юнцом. Но сейчас-то я не такой, у меня есть и опыт, и победы. С той же Танюхой я познакомился мгновенно. Хватило избитого штампа: «Девушка, где-то я вас видел...»... Но то была какая-то Танюха. А это Вика! Свет моих очей! Заноза в сердце... И, судя по всему, в мозгах. Переплелись мои извилины от переизбытка чувств. И в горле пересохло так, что язык прилип к гортани. Ни одной умной мысли...

В отчаянии я так глядел на Вику, что чуть не прожег ей макушку. Она подняла голову, посмотрела на меня. В глазах у нее вспыхнули огоньки, губы сами сложились в милую улыбку.

– Проснулись? – спросила она.

Глупый вопрос. В том смысле, что заставил меня почувствовать себя глупцом. Если не сказать, идиотом...

– Э-э, нет... Просто лежал...

И все же я был благодарен ей за этот вопрос. Ведь с ответа на него мог завязаться разговор.

– А я вот не ложусь. Книга интересная...

– Любовный роман? – догадался я, глянув на пеструю в розовых тонах обложку ее книги.

– Роман, – кивнула она. – Любовный...

– Она – золушка, он – принц...

Кажется, я растормозился. Слово за слово – понеслось. Лишь бы не споткнуться...

– А как вы угадали?

– Ну, не знаю... Женщины любят такие сказки, а вы так увлеченно читали...

– Сказки, – эхом отозвалась Вика. – В жизни так не бывает... Хотя... Хотя ведь всякое может быть...

Эх, как бы я хотел сейчас оказаться принцем. Пусть и не сказочным, пусть в переносном смысле, но принцем. Но, увы, мой отец был самым обыкновенным заведующим хирургическим отделением в самой обыкновенной клинической больнице. Мама тоже врач по специальности, но на административной должности в департаменте здравоохранения. Семья не бедствовала, но и не жировала. И уж точно не подходила под категорию королевской... А Вика, судя по всему, не отказалась бы от романа с принцем. Чтобы он ее на белых лимузинах катал, в шелка от Кардена одевал, с золота кормил... А уж она-то имела все основания надеяться на богатого жениха. Сколько их сейчас, этих богатых «новых русских». И Вика для них как та свеча, на

которую они будут слетаться, как мотыльки... Да, с ее красотой она могла рассчитывать на многое, а тут какой-то вояка без роду без племени...

Уже одно то, что я человек служивый, говорило о многом. Новое общество пытается уйти от таких атавизмов, как коммунизм и социализм, но армия у нас при этом стала еще более рабоче-крестьянской, чем была. Потому что служат в ней в подавляющем своем большинстве дети рабочих и крестьян. Дети тех, у кого нет денег, кто не может откупить свое чадо... Мой отец, в общем-то, мог бы меня откупить, но не стал делать этого – в силу остроты текущего момента. Морду я одному «принцу» набил – сынку «нового русского». Виноват был он, а шишки посыпались на меня – отчисление из института, встреча с двумя мордovorотами, которая едва не закончилась для меня больничной койкой. Тогда я отвертелся, но мог нарваться в следующий раз. Да еще и уголовное дело в милиции на меня завели – хулиганство, причинение телесных повреждений. В общем, выход у меня был только один – армия. Так и загремел я на срочную. Ушел служить, и от меня отстали. Это я так, к слову...

– Да, все может быть, – выдержав паузу, согласился я. – Вот я, например, никогда не думал, что когда-нибудь увижу живую принцессу...

Язык у меня развязался, а сам я оставался прикованным к своей полке. А ведь неприлично разговаривать с дамой с такой высоты. Да и не я, а она должна смотреть на меня сверху вниз... Пришлось исправляться.

– Если позволите... – извиняющимся тоном произнес я, устраивая свой камуфлированный зад на краешек нижней полки, застеленной одеялом.

– О чем разговор... А вы видели живую принцессу?

– Да, видел. И вижу ее сейчас... Надеюсь увидеть еще...

– Это я-то принцесса? – зарделась Вика.

– Конечно! Да, а где ваш папа-король? – окончательно осмелел я.

– В трапезной, – звонко рассмеялась Вика. – Ужинает с королевой-матерью...

Она заворожено смотрела на меня. Так маленькие девочки смотрят на циркового клоуна во время представления. Но ведь и в клоунов влюбляются... Я готов быть клоуном, я готов фиглярничать и дальше, лишь бы ее интерес ко мне не угасал. И лишь бы была возможность веселить ее дальше. А то ведь явится сейчас злобный папаша и снова загонит меня на верхнюю полку.

– А вас, я так понимаю, оставили без ужина. Не буду спрашивать, за какие провинности...

Не знаю, за какие провинности Вику не взяли в ресторан, но ясно, что оставили ее здесь неспроста. Чтобы она вещи сторожила. От меня... Хотя опять же нестыковка. Злобный папаша не мог оставить ее наедине с посторонним мужчиной, тем более солдатом. Или такой обжора, что в угоду своему чреву готов пожертвовать своей дочерью... Но разве он ею жертвует? Разве я такая сволочь, что могу надругаться над Викторой?.. Да, она красавица, но ведь я не чудовище...

– Какие провинности? – мило улыбнулась она. – Просто я не хочу кушать...

– Завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу?.. Знаете, я так и поступаю. Ужин отдаю врагу – своему желудку...

– Вам нельзя без ужина. Вы же в армии служите... У меня есть брат двоюродный, его Олег зовут, так он рассказывал... Кстати, а как вас зовут?

– Мой друг меня Чуковским зовет, – издали начал я.

– Почему? Вы стихи пишете?

– Нет. Потому что меня Корнеем зовут...

– Корней... Основательное имя...

– Вы находите? – польщенно спросил я.

– Не знаю, мне показалось...

– Так что вы про брата своего рассказывали?

– В армии он служил... Уже отслужил... Вы еще служите. А выглядите старше. Сколько вам лет?

– Двадцать четыре. Я же после института...

Маленькая красивая ложь, как правило, звучит лучше большой и неприятной правды. Да и зачем Вике знать, что меня выгнали из института. Тем более что весной я постараюсь восстановиться на четвертом курсе, окончу его, а еще через год у меня будет высшее образование. Я ж не какой-то мужлан в конце концов....

– Да? И кто вы по специальности?

– Инженер-технолог... Металлообрабатывающие станки и комплексы...

– Это интересно.

Увы, но ни в названии, ни в сути моей будущей профессии не было романтики и тем более прагматики. Даже малым детям известно, что инженеры уже не входят в число уважаемых профессий. Заводы стоят, зарплату не платят... То ли Вика этого не понимала, то ли умела лицемерить, но в ее глазах отражался неподдельный интерес. А может, ей льстил факт, что я не просто солдат, а взрослый состоявшийся мужчина с высшим образованием... Так или иначе, но мне было приятно.

– А я тоже в институте учусь, – как о чем-то будничном сообщила она. – Правда, на первом курсе. Сельхозакадемия, экономический факультет...

За последние несколько лет экономические вузы прочно вошли в моду. Все хотят быть экономистами, финансистами, чтобы поближе к деньгам быть. Все правильно, рыба ищет, где глубже, человек, где лучше. И Вика не исключение...

– Московская академия? – уточнения ради спросил я.

– Московская. И живу в Москве... С родителями, – многозначительно добавила она и так же многозначительно улыбнулась.

– Отец у вас – у-ух! – с намеком на осуждение натянуто-весело заметил я.

– И ух и ах... Про ежовые рукавицы слышали?

– Да. У вашего папы такие...

– Точно. Шагу не дает свободно ступить. И ни с кем встречаться не разрешает... Вы не поверите, но у меня даже парня никогда не было...

– Да, в это трудно поверить.

– Но это факт...

И факт этот не вошел в купе, а ворвался с напором ураганного ветра.

– Та-ак! – взревел Викин отец. – И что мы здесь делаем?

И этим ветром меня задуло на верхнюю полку... Мужик производил отталкивающее впечатление. Рожа его кирпичка просила, но при этом я готов был угождать ему. Шугнул меня, и я с радостью изобразил испуг... Он – идиот и самодур, но благодаря ему Вика никогда и ни с кем не встречалась. И не было у нее парня, которого она могла любить и которому могла... Даже думать не хотелось о том, как она могла миловаться с кем-то. Тем более что не было ничего. Вике никак не меньше семнадцати лет, может, уже восемнадцать. К этому возрасту многие современные девушки уже знают вкус плотской любви. И Вика могла ее познать. Ведь она так красива, а вокруг столько искусителей... Могла бы. Но спасибо ее отцу за то, что ограждал ее от искушения. И дальше будет ограждать этот цветник, но вовсе не для меня. Но ведь я десантник. Я создан для того, чтобы успешно преодолевать всякого рода преграды...

– А притворялся, что спит!.. – продолжал возмущаться мужик. – Ты его разбудила?

Вот и на Вику наехал.

– Папа, ну как ты можешь? – увещательно возмутилась Вика.

– Аркадий, хватит! – достаточно резко осадил мужа ее мать. – Сколько можно? Вика уже совсем взрослая...

– Да?.. Ну, об этом мы дома поговорим, какая она взрослая! А этот...

Я лежал спиной к этому тирану-самодуру, но затылком чувствовал на себе его испепеляющий взгляд.

– Если он еще раз встанет, то я не знаю, что с ним сделаю!..

Это был самый натуральный истерический вопль. Недостойный мужчины... Скорее всего у Викиного папашки не все дома. Дать бы ему по чайнику, чтобы не вопил. Но нельзя. Ведь у меня виды на его дочь. И ссориться с ним нежелательно... Таких кретинов можно взять только старой армейской тактикой «виноват, дурак, исправлюсь...» Виноват я, потому и молчу, потому и не возмущаюсь...

Я молча ждал, когда уляжется шквал психической атаки на мои редуты. Ждал и дождался. Недоделанный Аркадий утих, забрался на свою полку. А спустя какое-то время засопел в две дырки. Неужели заснул? Я-то думал, что он глаз с меня спускать не будет... А может, он притворяется?

Викина мама тоже забралась под одеяло. Но спать не собиралась. Лежит, читает. И Вика тоже лежит. Тоже, похоже, читает. Слышно, как шелестят страницы... А может быть, она только вид делает, что читает. Может, обо мне думает... Хотелось бы на это надеяться...

Я осторожно спустился вниз, сунул ноги в свои берцы. Потребностей не много – до ветру и покурить. Глянул на Вику, но ее лицо было скрыто за книгой. Я-то думал, что она глянет на меня. Но не глянула. И, закрывая за собой дверь, я понял, почему. С верхней полки за нами ревностно наблюдал Аркадий. Значит, не спал он, гнусный притворщик...

Из туалета я вышел в холодный тамбур. Только достал сигарету, как появилась Викина мама. Теплая вязаная кофта поверх спортивного костюма, в тонких изящных пальчиках изящно зажата дамская сигарета. Я хоть и растерялся, но рефлексы меня не подвели, и в моей руке щелкнула зажигалка. Как истинный джентльмен, я не мог отказать даме в любезности угостить ее огоньком.

– Спасибо... Не обращайтесь внимания на мужа, – извиняющимся тоном сказала она. – У него бывают вывихи...

Судя по всему, вывихи случались и у нее. Я не мог забыть то недовольство, с каким она встретила меня сегодня утром. Но, видимо, у нее вывих вправился, а у Аркадия – куда более тяжелая клиника. Но я не имел права его осуждать. Во всяком случае, перед лицом женщины, с которой был бы только рад породниться. Насколько я понял, ее звали Асей. Но не мог же я обращаться к ней просто по имени...

– Да ничего... Будь у меня такая дочь, я бы тоже над ней трясся...

– Уже готовитесь к отцовству? – иронично усмехнулась она.

– Ну, пока только мысленно...

– Вика сказала мне, что вы уже взрослый, после института...

Я постарался не выдать своего удивления. Да и чему тут удивляться? Движение поезда создавало шумовой фон в купе, и я не мог слышать, о чем Вика разговаривала со своей мамой. А они могли шушукаться, обсуждая меня и моего недруга в лице папы Аркадия... Да, так оно и было. И, судя по всему, мама Ася прониклась ко мне интересом.

– Ну, в общем, да...

– Еще долго служить?

– Полгода.

– А сейчас куда?

– Домой, в отпуск.

– В Москву?

– Да.

– И где вы там живете?

– На Кутузовском. В районе парка Победы...

– У-у! – с еще большим интересом посмотрела на меня Ася Батьковна.

Что ни говори, а родители мои жили в престижном районе. И дом престижный, номенклатурный. Дед мой в райкоме партии в свое время работал. Бабушку еще десять лет назад похоронил. Жить после этого не хотел, но все же дотянул до номенклатурной пенсии. А вот августовский путч девяносто первого пережить не смог. Не смог или не захотел. Один инфаркт, второй, а умер от инсульта. Вечная память несгибаемому коммунисту Корнееву. Сейчас он вместе с такой же несгибаемой бабушкой коммунизм на том свете строит. А может, уже и построили. Может, уже и живут в своем коммунистическом раю...

– А родители чем занимаются? – спросила она.

– Отец врач, мама тоже... А я вот в инженеры подался...

Родители хотели, чтобы я в медицинский институт поступал. Хотели, да меня заставить не смогли. В детстве я, помнится, мечтал врачом стать. До тех пор, пока случайно в прозекторскую не попал, ну, где трупы потрошат. Зрелище еще то! Наизнанку вывернуло. С тех пор как отрезало... Но и техникой я особо не увлекался. Просто родственник один в машиностроительном техникуме преподавал, он мне и с университетом потом помог. Только вот от отчисления спасти не смог. Ну да ладно...

– Не жалеешь?

– А чего жалеть? – удивился я. – Я ж на завод не собираюсь. По специальности буду работать, но в собственной фирме. Дело свое открыть хочу. Продажа металлообрабатывающего оборудования. Чем у нас в стране торгуют? Нефтью и металлом. Очень перспективное направление в бизнесе...

Я говорил, а сам опасался, что вид у меня более чем идиотский. Какой к черту бизнес, какое оборудование?.. Сначала отслужить надо, специальность получить, а потом уже думать, где взять деньги на дело, о перспективах которого я имел весьма смутное представление... Но, видимо, моя бурная речь произвела на женщину неизгладимое впечатление.

– Приятно иметь дело с интеллигентным и, главное, целеустремленным человеком!

Похоже, она была искренней в своих суждениях.

– Ну что вы... – скромно потупил я взгляд.

– Да-да, я всегда знаю, что говорю... Значит, вам двадцать четыре года, у вас высшее образование и через полгода вы заканчиваете службу...

– Совершенно верно.

– А на Аркадия... э-э, Васильевича вы не обижайтесь. Он, знаете ли, помешался на почве любви к дочери. Заботится о ее целомудрии, так сказать...

– И правильно делает. Ваша Вика в том возрасте, когда ее легко обидеть...

– Да, наверное, вы правы. Но все же Аркадий чересчур строг... Меня к мужчинам так не ревнует, как Вику... Ладно, пойду я. А то ведь и мне может достаться... Да, запишите номер телефона. Если, конечно, Вика вам интересна.

Надо ли говорить, какая эйфория меня охватила? Сама мать предлагала мне знакомство со своей красавицей дочерью. Я очень надеялся, что по взаимному согласованию с дочерью. Телефон я записал. И пока прятал драгоценный кусочек бумаги на сердце, мама Ася дала мне устную инструкцию. Звонить по будням с четырех до шести часов вечера. Именно в это время Вика бывает дома без отца. Аркадий возвращается из института в шесть вечера. Возвращается из того же института, где учится Вика. Кем он там работает, женщина умолчала. А я не спросил. Потому что надеялся спросить об этом у самой Вики. На очной, так сказать, ставке...

Когда я вернулся в купе, Вика уже спала. И я, недолго думая, завалился на боковую. Заснул сразу же, но совсем скоро меня разбудил пристальный взгляд Аркадия Васильевича. Всю ночь он не сводил с меня глаз из опасения, что я спущусь тайком к его дочери и, как тот змей-искуситель, собою ее с истинного пути... Есть мания преследования, а у этого мания недоверия к собственной дочери. Бедная Вика, как же нелегко живется под жестким крылом

этого параноика. Но ничего, я был полон решимости в самое ближайшее время освободить ее от этой тирании. Тем более что ее мама была на моей стороне, и это обнадеживало...

Глава 2

Телеграмму домой я давал позавчера. Всего несколько слов – отпуск, ждите, скоро буду. Ни номера поезда, ни времени прибытия... Неудивительно, что на вокзале меня никто не встречал. Да и ни к чему это. Ноги молодые, а метро быстрое. Одна пересадка – и я уже дома. А там никого. Отец на работе, мать тоже. Понедельник как-никак... Старший брат тоже мог быть на работе, младшая сестра в школе. Но нет у меня никого. Как в той песне, у меня братишки нет, у меня сестренки нет. Что-то там у родителей на этот счет не очень ладно. В подробности я не вникал и, наверное, правильно делал...

Дома никого нет. Но на столе в кухне записка.

«Сынок, если ты уже приехал, то холодильник и плита к твоим услугам! До встречи! Целую, мама!» Это в ее репертуаре. Налепить целую морозилку пельменей, наморозить голубцов в кастрюле – так, чтобы на целую неделю. Так же в холодильнике я обнаружил сыр, колбасу. И бутылку пива...

Это был самый настоящий кайф – принять горячую ванну, наварить пельменей и съесть их под шипящий аккомпанемент пенного напитка. Дома так хорошо, так уютно... Квартира трехкомнатная, с большим холлом. У меня своя комната, со своим телевизором. Видеомагнитофон можно было бы взять из гостиной. Завалиться на кушетку, запустить заморский боевичок и балдеть под грохот бутафорской канонады. А еще лучше было бы завалиться на кушетку вместе с Викой... Неужели это возможно, спросил я себя. Возможно!..

Я уже точно знал, что безумно влюблен в эту девушку. Но не знал, что я делаю дома, когда до окончания отпуска остается чуть больше недели. Я обязан нестись к ней на крыльях любви. Но ведь она сейчас дома. Под присмотром тирана отца. И только завтра она отправится в институт вместе с ним, чтобы вернуться домой без него... А может, они уже сегодня отправились в институт. Ну, опоздают с дороги, ну и что?.. Если Вики сейчас нет дома, значит, она на учебе, значит, сегодня после четырех ей можно будет позвонить. Сегодня, а не завтра...

Семь заветных цифр, долгие протяжные гудки в телефонной трубке... Да, похоже, ни Вики нет дома, ни ее родителей... Значит...

– Алло, – прервал мои размышления райский голосок.

– Вика?

Никаких сомнений не возникло у меня в том, что это была она.

– Да, я... А это кто?

Увы, но она не узнала меня. Неужели так быстро забыла? А ведь сегодня, расставаясь, мы многозначительно посмотрели друг на друга. Ведь мы уже были связаны тайной... Хотя бы тайной ее телефона, в которую посвятила меня ее мать... Но была и другая, гораздо более глубокая тайна. Тайна любви.

– Ну как же! Это же я, Корней! Мы же в поезде с тобой ехали!

– А-а, Корней... Извини, что не узнала!

– Да ничего... А ты, значит, дома.

– Ну да, у меня же каникулы...

– Каникулы? – удивился я.

У студентов каникулы бывают только зимой и летом, после сдачи сессий.

– Ну, не то чтобы каникулы, – замялась Вика. – Я хотела сказать, вынужденные каникулы... Мы же отпуск брали, чтобы к бабушке съездить...

– К бабушке? Ну да...

Я как-то не задавался вопросом, что делала Вика с родителями в городе, где я служил... А они, оказывается, к бабушке ездили. Зачем? А какая разница?

– А твой папа сейчас где?

– В институте... Ну, мне завтра в институт, а ему сегодня... А маму на работу вызвали, только вечером будет... Но тебе к нам нельзя...

– Да я и не напрашиваюсь, – смутился я.

– А в кино мы бы могли сходить... – утешила меня Вика. – Когда ты будешь?

– Уже лечу!

У меня действительно возникло ощущение, будто за спиной выросли крылья. И я вдруг понял, что чувство окрыленности – довольно опасное явление. Хорошо, что я был в одних трусах и майке, а то ведь выпрыгнул бы сейчас из окна и с концами. Хоть я и десантник, но без парашюта с девятого этажа нас прыгать не учили...

Я договорился о встрече и стал одеваться, чтобы как можно скорее добраться до больницы, где работал отец. К счастью, в армию я уходил не безусым юнцом, и если возмужал за полтора года, то больше духовно, нежели телесно. Иначе говоря, моя одежда как была, так и осталась мне впору. Ну, может, джинсы стали чуточку тесней. Зато кожаная куртка с меховым воротником сидела как литая.

На такси деньги жалеть не стал. Десять минут в пути, и я на месте. В больнице, где работал мой отец. Казалось бы, я должен был прямым ходом нестись к Вике. Но до нее ехать еще дольше – где-то около часа от моего дома. Да я сутки напролет готов был ехать к ней, лишь бы доехать. Но было у меня желание произвести на нее впечатление. Для этого мне нужна была отцовская машина. А она стояла на служебной стоянке. Белая красавица с тонированными окнами. «Волга» «двадцать четвертой» модели. Несколько устаревший вариант по нынешним временам. Но выглядела она как новенькая: дед на ней почти не ездил, да и отец не особо гонял, на работу и обратно, ну еще на дачу по выходным. И относился к ней бережно, пылинки с нее сдувал. Иногда и мне позволял на ней ездить, но в исключительных случаях. А разве сейчас не тот случай? Сын в отпуск приехал! К тому же любимый сын. И влюбленный...

Отца я застал в его кабинете. Последний раз мы виделись год назад. Они с матерью ко мне в часть приезжали. Я бы не сказал, что он постарел с тех пор. Но лишние сединки в волосах я все же углядел... В любом случае для своих пятидесяти лет он выглядел молодцом.

– Корней! Ну наконец-то!

Он крепко обнял меня, после чего похлопал по плечу и показал на диван. Я, конечно же, присел. Но весь мой вид говорил о том, что я спешу.

– Торопишься куда-то? – угадал отец.

– Куда-то, – кивнул я.

– К Марине?

– Ну, вспомнил...

С Мариной я порвал еще до армии. Сразу после того случая, который меня туда отправил. Одному богатенькому подлецу морду из-за нее набил, а она потом против меня же и свидетельствовала. Не важно, по принуждению или как. Важен сам факт... Да и хорошо, что не нужно мне к Марине ехать. Не до нее мне сейчас...

– Машина нужна?

А вот здесь отец проявил чудеса ясновидения. На что я не преминул ему указать.

– Ты – мудрец и пророк!

Насчет мудреца я сказал неспроста. Какой же мудрец откажет сыну в машине? Транспорт – преходяще, а родственные чувства – вечны.

– А ездить не разучился? – улыбнулся отец.

Похоже, сравнение с мудрецом и пророком подсказало ему правильную линию поведения.

– Наоборот, научился! На танке, на БМД – как с добрым утром!

– Вот этого я и боюсь. У нас тут не полигон...

– Да я понимаю. Все будет о'кей и даже лучше!..

– Ну, лучше не надо... Когда будешь? – спросил он, выкладывая ключи на стол.

– Думаю, что часам к семи подъеду, – в раздумье изрек я.

А на большее рассчитывать я не мог. В лучшем случае Вике нужно будет вернуться домой к шести, а в худшем – мы вообще с ней не увидимся.

– Утра?

– Хотелось бы. Но это исключено...

Вика жила на Череповецкой улице в районе Дмитровского шоссе. Через полчаса я был на месте. Еще полчаса я искал работающий телефон-автомат. Нашел, позвонил. Трубку сняла Вика.

– Через три минуты буду возле подъезда. Белая «Волга», – не то чтобы небрежно, но как бы невзначай добавил я.

– Круто! – услышал я несвойственное для нее, как мне показалось, восклицание. – Я уже готова, жди в машине...

Каково же было мое удивление, когда ко мне в машину без всякого приглашения сел какой-то молоденький парнишка. Короткие вихрастые волосы, еще не оформившееся детское личико, тонкая шея, смешно торчащая из широкого ворота синтепоновой куртки. Но это удивление было лишь легким колыханием по сравнению со штормовым изумлением, когда услышал его голос.

– Чего уставился? – спросил он.

Это был Викин голос. Чистой воды ее голос. Ну разве что наглость и нахрапистость этого юнца можно было сравнить с каплями дегтя в бочку чистейшего меда...

Признаться, мне стоило труда оторвать нижнюю челюсть от груди, к которой она прилипла.

– Ты кто такой? – через силу спросил я.

– Сашка меня зовут. Викина сестра. А что?

– Сашка?.. Сестра?! Я думал, ты парень... – ошеломленно протянул я.

– Индюк тоже думал... Александра меня зовут. Если короче, то Сашка. Чего тут непонятного?..

– Убил ты меня, Сашка. То есть убила... Наповал сразила, – честно признался я.

– Извини, живой воды у меня нет. И мертвой тоже. Оживить не смогу. Да и нужен ты мне... – ухмыльнулся сорванец.

То есть ухмыльнулась... Да, если взглядеться, было в чертах ее лица что-то женское. Но все же Сашка больше смахивала на пацана, нежели на девчонку. Может, короткая прическа тому виной, может, полное отсутствие косметики... Да и какая косметика может быть, если ему... то есть ей... в общем, самое большее лет четырнадцать.

– Что, не нравлюсь?

– Да нет, парень ты ничего, – насмешливо, с прищуром глянула на меня Сашка. – Даже очень... Но мне еще рано парнями интересоваться. Ну, в том смысле, в каком Вика интересуется...

– А в каком смысле Вика ими интересуется?

– Ну вот, ляпнула, что называется. А ты лихо стрелки на нее перевел! Ну ты гусь, скажу я тебе!

– А ты трясогузка.

– Ты еще гадким утенком меня назови! – напыжилась Сашка.

– А ты не хорохорься, и не назову!..

– Ладно, успокойся. Нормально все. Ну, загнула малость, с кем не бывает...

– Сколько тебе лет, малость?

– Да не я малость... Четырнадцать... А что?

– Да нет, ничего. Это я так спросил, к слову. Вика где?

– Это тоже к слову?

– Нет, это к кульминации момента. Извини, но меня Вика интересует, а не ты...

– Да я знаю! Вика у нас – о-хо-хо! А я так, не пришейся...

– И ты будешь о-хо-хо, когда вырастешь.

– А не буду. Не хочу потому что... Я, думаешь, чего под пацана ряжусь? А чтобы папина крыша на меня не съехала. Вику вон как придавило – ни вздохнуть ни чихнуть... Я вообще поражаюсь, как она тебе телефон свой дала? Она ж отца как огня боится...

– Пусть боится.

– Не хочешь, чтобы она с другими гуляла? – засмеялась Сашка. – Все не хотят...

– Кто все?

– Ты, наверное, думаешь, что один такой? У нее много ухажеров. Только папка никого к ней не подпускает. И тебе не обломится. Он ведь такой, что и по голове настучать может...

– А за тебя?

– Что за меня?

– Ты вот в машине со мной сидишь, треплешься. А люди потом твоему отцу скажут...

– Ну, скажут. И я скажу, что ничего такого не было... Я же говорю, он за мной, как за Викой, не дрожит... Мне иногда кажется, что я для него вообще не существую...

В голосе маленькой девочки явно прозвучала детская обида – по большей части надуманная, но в принципе вполне реальная. Очень даже могло быть, что Аркадий Васильевич любил младшую дочь меньше, чем старшую. Может быть, потому что Вика – уже прекрасный лебедь, а Сашка – гадкий утенок, который из кожи вон лезет, чтобы доказать свое право на место под солнцем... Мне стало жаль эту пусть и не совсем милую, но трогательно смешную пташку.

– Сашуль, может, ты все-таки скажешь, где Вика? – спросил я.

– Может, и скажу... В институте она. Отец настоял... А у меня каникулы... Извини, что я Викой прикинулась. Просто вдруг грустно стало. Только и слышно «Вика», «Вика», а до меня и дела никому нет... Только не подумай, я не ревную. Я Вику очень люблю. И если вдруг ее обидишь, будешь иметь дело не только с отцом, но и со мной...

– А мне совсем не страшно, – улыбнулся я. – Потому что я не собираюсь ее обижать...

– Что, любовь? – насмешливо хмыкнула Сашка.

– Ну а ты сама как думаешь?

– А-а, влюбился!.. Только тебе ничего не светит, – не совсем уверенно предупредила она.

– Почему?

– Ну, не знаю... А может, и светит... Это же ты с ними в поезде сегодня ехал?

– И вчера тоже.

– Они говорили, что какой-то парень военный был...

– Старший сержант воздушно-десантных войск.

– Это ты-то сержант!.. Ну да, парень, я смотрю, ты ничего. Видный!..

– Ну спасибо...

– Спасибо Вике своей будешь говорить. Если отец тебя не убьет...

– А может убить?

– Да все может быть, если найдет... Но тебе повезло. Ты мне нравишься... Я хотела с тобой в кино сходить, ну раз уж ты на машине, то поехали.

– Куда?

– Куда-куда? В институт! К Вике!.. Ну, не в сам институт. К станции метро. Мы ее перехватим...

Сашка болтала всю дорогу. От нее я узнал много интересного и о ней самой, и о Вике. От отца она была не в самом полном восторге, но говорила о нем больше хорошего, чем плохого. Ну, тиран, ну, самодур, но ведь это от любви, а не от ненависти...

Я так привык к Сашкиному щебету, что уши сдавила звенящая тишина, когда стих ее голос. Она отправилась за сестрой, ее не было около часу. И наконец они появились. Оглядевшись по сторонам, Вика села в машину. Сашка же заговорщицки помахала нам рукой и стремительным шагом направилась к метро.

– Куда это ее понесло?

Я огорошенно смотрел ей вслед. Странно, я-то думал, что Сашка поедет домой вместе с нами.

– Она сказала, что на метро...

Вика тоже смотрела вслед удаляющейся сестре. На щеках милый стыдливый румянец, в голосе волнение. Вчера в поезде она меня так не стеснялась, как сейчас. Даже когда мы остались наедине с ней, она не казалась такой смущенной. Может быть, потому что знала – отец где-то рядом. А сегодня она фактически сбежала от отца. Кто его знает, может, Аркадий Васильевич уже несется к моей машине на всех парах, чтобы задать мне жару. Это мысленное предположение заставило меня нервно оглядеться по сторонам. Вика заметила мое движение. И угадала направление моей мысли.

– Не бойся, папа за мной не гонится, – сказала она и чуточку насмешливо посмотрела на меня. – Ему сегодня не до меня...

– Что так?

– Неприятности на работе...

Я уже знал, что Аркадий Васильевич руководит в институте физической подготовкой.

– Что, серьезно?

– Не знаю. Но если его уволят, то я не переживу... – скорее в шутку, чем всерьез ужаснулась она.

– Почему?

– И так прохода нет, а тут он еще дома постоянно будет. Мне сейчас домой в радость, потому что его там не будет, а так... Знал бы он сейчас, где я...

– Ты так говоришь, как будто случилось что-то страшное... Я всего лишь хочу отвезти тебя домой...

– Дело в том, что я не хочу домой... – словно набравшись смелости, посмотрела мне в глаза Вика. – Скучно там...

– Я тебя понимаю. Поехали в кафе где-нибудь посидим, – предложил я.

Помимо ключей, отец слегка профинансировал меня. На ресторан вряд ли хватит, а в кафе посидеть – запросто.

– Поехали, – согласилась Вика. – Только недолго. Через полчаса отец домой звонить начнет...

– Ты же говорила, что ему сейчас не до тебя...

– Ну, мало ли... Можешь украсть меня на час, не больше...

– Я бы хотел украсть тебя на всю жизнь...

Как же все-таки здорово, что вчера я не опоздал на свой поезд. Как здорово, что познакомился с такой чудесной девушкой. Теперь мы вместе, в одной машине, я имею возможность любоваться ею. Имел я на это право или нет, но я наслаждался ее красотой, трепетал в предчувствии вселенского счастья. Вика не воротила от меня нос, напротив, тянулась ко мне. Изнывая от внутреннего восторга, я понимал, что мое счастье в моих руках. Как будто только от одного меня зависело, быть нам с ней вместе или нет. Как будто ее отец не мог нам помешать... А что он в конце концов сделает? Кто он такой? Вика всего лишь дочь ему, но никак не рабыня. И если она захочет выйти замуж за меня, он не сможет ее остановить... Выйти за меня замуж. Она могла выйти за меня замуж! Если это случится, то я с полным правом буду считать себя счастливейшим из смертных. Или нет, если Вика станет моей женой, то я уже не буду считаться простым смертным. Быть ее мужем – удел богов...

– И что ты со мной сделаешь, если украдешь? – задорно улыбнулась она.

– А что я, по-твоему, могу с тобой сделать?

– Ну, не знаю... Я читала в книгах, что ворованные вещи продают скупщикам краденного...

Если это была шутка, то мне она показалась не совсем удачной... А это была шутка, вне всякого.

– Во-первых, ты не вещь. А во-вторых, я никогда и никому тебя не отдам. Даже твоему отцу...

– Не надо про него, – качнула головой Вика. И подстрекательски глянула на меня: – Что, так и будем здесь стоять?

Действительно, нам уже давно пора ехать, а мы все стоим. А ведь я не мазохист и не нуждаюсь в трепке от ее отца... А может, я просто подспудно ждал, что вернется Сашка. Без нее, конечно, лучше. Но жаль девчонку. Такую встречу организовала, а сама на метро домой отправилась. А ведь могла бы с нами в кафе съездить... Хотя нет, лучше мы вдвоем там побываем, с Викой... Неужели мы с ней вдвоем в моей машине? Неужели это не сон?

– Забавная у тебя сестра, – выехав на вторую слева полосу, заметил я.

– Отец сына хотел, а родилась девочка. А он упрямый, поэтому как мальчишку ее воспитывал. Ну, а ей это нравилось...

У каждого своя версия, мысленно отметил я. Сашка говорила, что нарочно под пацана косит, чтобы от отцовской любви спастись. Вика думает по-другому... Скорее всего, истина где-то посередине. Но мне-то что до этого?

– А из меня он затворницу сделал... – опечаленно вздохнула Вика. – А мне это не нравится...

– Глупый он, твой папашка. Извини, что я так...

– Ничего.

– От жизни ведь не скроешься. Ты такая красивая, сколько парней вокруг тебя, наверное, вьются...

– Вьются, – кивнула она. – Но я их боюсь... Отец говорит, что всем им только одно нужно...

– Я догадываюсь, о чем именно он говорит... Не знаю, как другие, но я... Я просто хочу ехать с тобой, смотреть на тебя, слушать твой голос... Ты такая красивая, ты такая... А о том я даже не думаю...

– О чем о том?

– О том, про что твой отец говорит...

– А о чем он говорит? – насмешливо и лишь слегка смущенно смотрела на меня Вика.

– Ну, ты должна понимать, – замялся я.

– Понимаю... Как понимаю, что если дальше так пойдет, то я умру старой девой...

– Ты этого боишься?

– Нет, но... Я уже взрослая девушка, учусь в институте, мне семнадцать лет, в январе будет восемнадцать. Я хочу свободно жить, свободно дышать, встречаться с парнями...

– С парнями или с парнем?

– С парнем?! С одним?! – непонятно почему удивилась Вика. И, спохватившись: – А, ну да, с одним... Мне и одного хватит... Это я так сказала...

– К слову, – подсказал я.

– Ну да, к слову... Что-то я разговорилась... Извини, наболело...

– Я тебя прекрасно понимаю...

С таким папашей-тираном такая вот «незаконная» встреча с парнем для нее – глоток кислорода. А от кислорода, как известно, может кругом пойти голова. И язык может развязаться...

– А то, что ты разговорилась, это здорово... Знала бы ты, как приятно слушать твой голос...

В ответ она застенчиво пожала плечами и мило улыбнулась.

– Ты, конечно же, знаешь, что ты самая красивая девушка на свете!

Я не боялся осыпать ее комплиментами. Я не боялся влюбить ее в себя. Боялся не влюбить... Вика снова промолчала. Но наградила меня застенчиво-признавательным взглядом.

Молчала она и в кофейне, куда мы приехали. Молчала, поглядывая на меня с душевной теплотой и лаской. Да мне и самому расхотелось говорить. Так бы сидеть всю жизнь напротив нее и молча тонуть в головокружительном омуте опьяняюще прекрасных глаз...

Мы угостились горячим шоколадом с пирожным. Я решил, что этого будет мало, и заказал мороженое. Было очень вкусно. Я мог бы повторить заказ, но лимит времени был уже исчерпан.

– Мне уже пора домой, – виновато улыбнулась Вика.

Я проводил ее к машине, любезно распахнул перед ней дверцу, подал руку, помогая сесть.

– Спасибо...

Я занял место за рулем, завел двигатель. И услышал робкое:

– Мне холодно, я замерзла...

К счастью, в кафе мы находились совсем недолго – двигатель не успел остыть. Я включил печку, и в салон пошло тепло.

– И все равно холодно... – покачала головой Вика.

– Ничего, сейчас согреешься...

Машина ходко шла по Дмитровскому шоссе, двигатель уже давно прогрелся до рабочей температуры, в салоне давно было жарко. А ей все холодно... Видно, мороженое заморозило ее изнутри. Ничего, отогреется моя девочка...

– Согрелась? – отирая рукавом взмокший лоб, спросил я.

И, отрывая взгляд от дороги, глянул на нее. Вика пристально смотрела на меня. Затуманенный, словно отсутствующий взгляд, на щеках румянец, приоткрытый ротик, губы как будто на ветру шевелятся. Казалось, она не слышала обращенный к ней вопрос.

– Согрелась, спрашиваю? – еще раз спросил я.

На этот раз она отреагировала. Отрицательно качнула головой. Не согрелась, значит... В салоне уже жарко как в бане, а ей все холодно. Что же делать? Может, чаем ее горячим напоить?... И тут до меня дошло. Какой же я идиот!

– Сейчас...

Я остановил машину даже не на краю дороги, а на краю обочины. Хмельной от собственных мыслей, потянулся к Вике, ладонями нежно коснулся ее щек. Теплые щечки. Не может ей быть холодно. Притворяется девочка. И я уже точно знал, почему...

Пожалуй, я не должен был делать это в первую нашу встречу. Но ведь она хотела, чтобы я прикоснулся к ней. И я этого хотел – хотя бы потому, что был ограничен во времени сроком отпуска. К тому же ничего страшного для нее и не произошло. Я всего лишь прижал ее к себе, растворяясь в ароматных волнах волшебного очарования... Правда, на этом не остановился и с ее молчаливого позволения слился с ней в завораживающем вихре поцелуя...

Целоваться Вика не умела. Но я воспринял это как огромный плюс... Не умела она целоваться, значит, не было у нее парня, который мог бы ее этому научить. Значит, я первый в ее жизни мужчина... Как хотел я в это верить! Как хотел быть не просто первым, а единственным – навсегда... Но даже если я не первый! Какая разница? Главное, быть с ней. Главное, любить и быть любимым...

Вика утонула в моих объятиях, как будто не в силах самостоятельно вынырнуть на поверхность банального бытия. И я утонул вместе с ней. Мы вместе лежали на дне наших

чувств и ощущений. А надо было подниматься... И первой сделала попытку она. Оттолкнулась от меня.

– Мне уже пора...

В голосе прозвучало недовольство. Но лицо сияло счастьем. Ей было хорошо со мной. И она не хотела уходить от меня. Но мы должны были расстаться. Надолго. На целые сутки. А это для меня целая вечность.

– Я знаю...

Уже смеркалось, когда я подвез ее к дому. Время зимнее, темнеет рано.

– Я пойду? – спросила она как будто в надежде, что я ее не отпущу.

Я физически не мог сказать «да».

– Как знаешь...

– Я знаю, что мне пора... Ты очень хороший...

– А ты любимая... Я тебя люблю...

Может быть, я не должен был признаваться ей в своих чувствах сейчас. Наверное, нужно было повременить. Но я хотел, чтобы она уже сейчас знала, как сильно я ее люблю. Я хотел, чтобы она узнала правду прямо сейчас...

– Ты очень хороший, – стыдливо опуская глазки, повторила она.

Но «люблю» не сказала... Было глупо требовать или просто ждать от нее ответных признаний. Это я такой смелый и искушенный, она же чистая и непорочная дева. И ей еще неведомы слова любви. Но, может быть, ей уже ведомо само чувство. Я страстно хотел, чтобы она меня любила...

Вика уже взялась за ручку двери, когда я опомнился.

– Когда мы встретимся?

– Завтра, – не раздумывая ответила она. Немного подумала и робко добавила: – Если ты не передумаешь...

– Я никогда не передумаю!

– Тогда завтра, на том же месте у метро. Я сама приду.

– Буду ждать.

Домой я приехал раньше родителей. Потом появились они – сначала мама, затем отец. Радость встречи, праздничный ужин, все такое. Я едва не проговорился, что нашел девушку, без которой отныне не мыслил больше своей жизни.

Следующий день я начал с того, что занялся машиной. Отполировал до блеска изнутри и снаружи. А ровно в пятнадцать минут четвертого пополудни подъехал на ней к условленному месту.

Но вместо Вики к машине подошел ее отец. Глаза горят, из ноздрей дым пышет, оскаленные зубы блестят, суставы в кулаках скрипят от напряжения. Не очень приятное, надо сказать, зрелище. Я увидел его достаточно вовремя для того, чтобы успеть удрать. Но делать этого я не стал. Во-первых, я не трус, а во-вторых, этот идиот мог успеть ударить ногой по крылу или даже по задней дверце машины. А отец меня убьет, если с его ласточкой что-то случится... А отец Вики, похоже, готов был меня убить, лишь бы с его дочерью ничего не случилось. Набравшись духа, я вышел ему навстречу.

– Вику ждешь? – хватая меня за грудки, злобно спросил он.

Душевное начало, ничего не скажешь. Прямо за душу взял, кретин. А душа моя нараспашку – еще бы, верхние пуговицы куртки разлетелись на все четыре стороны.

Хватка у Аркадия Васильевича крепкая, если не сказать, мертвая. Его так просто с места не сдвинешь – с мясом надо от себя отрывать.

– Эй, полегче! – приподнимаясь на носках и стараясь не делать резких движений, выразил я свое возмущение.

– Полегче ты!.. Что ты сделал вчера с моей дочерью? – заорал этот недоумок.

А орал он громко. Прохожие оборачивались. И, надо сказать, осуждение досталось мне. На меня смотрели, как на какого-то мерзавца и насильника. И все потому, что это я что-то «сделал вчера» с чьей-то дочерью... А ведь страдающей стороной в данном эксцессе был я. Но ни капли сочувствия в мой адрес...

– Ничего!

Увы, но моя правда прозвучала как жалкое оправдание.

– Убью! – окончательно вышел из себя Аркадий Васильевич.

И с такой силой потрянул меня, что лопнула «молния» на куртке. А вместе с ней лопнуло и мое терпение...

Бить психа я не стал. Хотя положение позволяло мне разmozжить ему нос ударом головы. Я всего лишь наложил руки на его кулаки, насколько можно, крепко сжал их. А силы во мне с избытком. Кто не верит, могу дать адреса нескольких человек, которым в том уже пришлось убедиться... Убедился в этом и Аркадий Васильевич. Сначала в его глазах отразилось изумление, а затем и боль. Что и говорить, не самое это приятное ощущение, когда твои пальцы дробят в тисках. Может быть, насчет тисков я преувеличил, но, как бы то ни было, физрук дал понять, что сдается. Тогда я отпустил его, и он тут же убрал от меня свои руки.

– Это сколько ж в тебе силы! – злобно, но с определенной долей восхищения спросил он.

– Качаюсь, – отделался я скромной отговоркой.

– Оно и видно... Дать бы тебе в морду!

Час от часу не легче!

– Попробуйте...

– А что, есть за что?

– Нет... Мы с Викой даже не целовались.

– Даже?! – взвился мужик.

Да, таких кретинов в этой жизни я еще не встречал.

– Даже не целовались – это значит, что ничего не было. Вообще ничего...

Наверное, Горбачеву легче было бы объяснить, что его перестройка на фиг никому не была нужна, чем этому твердолобому дятлу, что его дочка как была девочкой, так и осталась.

– Ей еще восемнадцати нет! Я тебя посажу!

– Не, ну ты точно баран!

Все-таки не выдержал я и опустился до словесных оскорблений. Легче от Вики отказаться, чем ужиться с таким тестем... Шутка. Гораздо легче убить этого придурка, чем от Вики отказаться. Хотя, конечно же, лучше обойтись без этого...

Не в силах больше разговаривать с этим самодуром, я открыл дверцу машину, чтобы сесть за руль. С законченными психами не разговаривают, законченных психов лечат. Но, увы, у меня не было возможности отправить его на принудительное лечение. Была возможность просто уехать.

– Еще раз увижу с Викой – убью! – донеслось вслед.

– Пошел ты, – едва слышно буркнул я.

И был таков.

Поцелуи по современным меркам – это ничего такого. Так что я почти не врал, объясняясь с Аркадием Васильевичем. Но от этого не было легче. На душе столько дерьма, что авгиевы конюшни рядом не лежат... Как этот психопат узнал, что мы с Викой вчера встречались? А ведь узнал. Как узнал, что сегодня я должен был ждать ее в своей машине? Кто ему об этом сказал? Неужели Вика? Что, если под пытками... Идиотская мысль посетила меня. Но ведь посетила. Потому что я знал, какое чудовище у нее отец. Чудовище на страже красавицы...

Я позвонил ей из ближайшего автомата. Знакомый голос:

– Слушаю.

– Вика, ты?

– Да, – дрогнувшим голосом ответили мне.

Но я все равно терялся в догадках.

– Точно Вика?

– А ты думаешь, Сашка? – мило улыбнулась она.

Да, улыбнулась, да, мило. Я не мог видеть ее воочию. Но ее образ стоял перед моим мысленным взором. И не все ладно с ее лицом. Что именно, определить я не мог: слишком все смутно...

– Ну, вчера-то я попался...

– Сашка сейчас на тренировке...

– А ты уже вернулась из института?

– Э-э, да...

Я уловил фальшь в ее голосе.

– Не надо меня обманывать. Ты не была сегодня в институте, – догадался я.

– Не была, – эхом отозвалась она.

Теперь я точно знал, что с ней далеко не все ладно.

– Я хочу тебя видеть! Немедленно!

– С ума сошел? Мне из дома выходить нельзя!

– Значит, я приеду к тебе домой. Жди!

– Корней...

Договорить я ей не дал. Повесил трубку и бегом к машине. Гнал я как сумасшедший. У ее отца не было машины, а на метро пока доберешься. Я должен был его опередить... А опоздаю, тем хуже для него! Я переломаю ему руки, если он хоть пальцем коснулся моей девочки...

Машину я оставил во дворе дома, где жила Вика, но подальше от ее подъезда – на всякий случай. Без лифта на одном дыхании поднялся на четвертый этаж, позвонил в дверь.

Вика открыла сразу. В ее глазах вспыхнул запретный восторг. Она должна была гнать меня отсюда поганой метлой, но было видно, что этого делать она не хочет... В ее глазах я увидел восторг, а под правым глазом разглядел припудренный синяк.

Где-то слышал я, что от большой любви человека может пробить на телепатию. Но как-то не задумывался над возможностью провести эксперимент. Не задумывался, а провел. Теперь я на собственном опыте знал, на что способна большая любовь. Ведь я же на расстоянии почувствовал, что с Викой случилась беда. Так оно и оказалось.

Я вихрем ворвался к ней в квартиру. Ей оставалось только посторониться.

– Ты точно сумасшедший! – счастливо улыбаясь, пробормотала она.

Я закрыл за собой дверь, нежно взял ее за плечи. Внутри все клокотало от возмущения.

– Кто тебя ударил?

– А-а... Сашка... Прием показывала. Случайно...

Нетрудно было догадаться, что она выгораживает своего недоделанного папашку.

– А если честно? Отец?

Вика промолчала, но отвела в сторону взгляд. Чем признала вину подозреваемого.

– Я его убью! – в гневе воскликнул я.

– Мне больно... – меняясь в лице, с ужасом посмотрела на меня Вика.

Только сейчас мне стало понятно, что, инстинктивно сжимая кулаки, я невольно защемил ее плечи.

– Прости! – отдергивая руки, взмолился я.

– Ты чокнутый! – прощая, улыбнулась она.

– Прости!

Я снова взял ее за плечи, нежно оглаживая их. Привлек ее к себе, ничего не соображая, коснулся губами ее шеи.

– Не надо, – запрокидывая голову назад, прошептала она.

Но я достаточно хорошо знал женщин, чтобы услышать в этом «нет»... Да и не делал я ничего такого, чтобы останавливаться.

– Люблю... Люблю тебя... – задыхаясь от волнения, пробормотал я.

Нет, это было не волнение. Это был самый настоящий шторм. Меня швыряло, кружило, из-за высоты волн я не видел берегов... Я целовал Вику в шею, покрыл поцелуями ее лицо и наконец впился в ее ждущие губы. Она обмякла в моих объятиях, ее тело мелко тряслось от возбуждения... И все же она нашла в себе силы отстраниться.

– Не здесь, – не отрывая глаз, тихо сказала она.

И сама же закрыла мне рот неумелым, но жадным поцелуем. И повисла у меня на шее – словно в ожидании, что я подхвачу ее на руки. И если так, то я не обманул ее ожиданий. Как пушинку, легко оторвал ее от пола, уложил на руки.

Она оторвала одну руку от моей шеи, беспомощно махнула ею в сторону своей комнаты. Как капитан я не мог не довериться своему любимому штурману и двинулся в указанном направлении.

Комната, шкаф, секретер, расправленная полутораспалка. Окна зашторены, интимный полумрак... Зыбкое спокойствие. Зыбкое, потому что в любое время мог появиться чокнутый папаша, а это все равно что попасть в эпицентр смерча. Но я не боялся этого уroda. Более того, я был только рад поступать наперекор ему...

Я уложил Вику на кровать, распахнул ее халатик... А под ним ничего – ни лифчика, ни трусиков. Это должно было еще больше распалить меня. Но, как это ни странно, это открытие охладило мой пыл. Может, потому, что цель была так близка...

– Почему ты остановился? – с дрожью в теле прижимаясь ко мне, спросила она.

– Э-э...

Я и сам не мог точно сказать, почему я остановился. Боялся последствий своей невожержанности? Так я буду только счастлив, если узнаю о них. Ведь я только о том и мечтаю, чтобы жениться на ней. Мечтаю о наших детях... Ей нет восемнадцати, но скоро будет, каких-то два-три месяца, и она совершеннолетняя. А для *этого* она уже достаточно взрослая, тем более по нынешним временам. Уж я-то знаю...

Да, пожалуй, остановился я зря. Распалил девчонку и в сторону, нельзя так... Но, может быть, она уже не хочет?

– А надо? – чувствуя себя полным идиотом, спросил я.

– Надо... – закрывая глаза, кивнула она головой.

– Потом жалеть будешь...

– Не буду... Он меня вчера к врачу водил...

Мне не понадобилось объяснять, кто ее водил и к какому врачу. Только ее дебилный отец мог отвести ее на осмотр к гинекологу.

– Там какая-то глупость... – сбивчиво продолжала она. – Он думал, что у нас было... Он меня бил... Пусть будет...

Я даже понял, о какой глупости она говорит. Судя по всему, с подачи гинеколога Аркадий Васильевич сделал вывод, что Вика уже не девочка. Поэтому избил ее... Из-за меня избил – как будто это я был с ней... Не было у нас ничего. Но если Вике уже досталось, то пусть будет. Пусть она думает, что не зря пострадала от отца. Я же, конечно, так думать не буду. Потому что никто, никогда и ни при каких условиях не смеет поднять руку на мою девочку. Пусть хоть этот гад будет трижды ее отцом... Я накажу эту сволочь. Потом. И помогу Вике восстановить справедливость. Прямо сейчас...

– Пусть будет, – повторил я.

И нежно коснулся языком затвердевшей ягодки ее соска... Теперь никакая совесть не могла заставить меня свернуть с выбранного пути. И я решительно, на всех парах рванул к своей цели.

В запретных глубинах было жарко и тесно, но все же я не встретил особого сопротивления. К тому же мне показалось, что Вика лишь изображала боль, на самом же деле получала удовольствие. И крови не было... Судя по всему, я не был первопроходцем. Похоже, кто-то побывал там до меня...

Тонким женским чутьем Вика угадала ход моих мыслей. Запахивая так и не снятый мною халат, прижалась ко мне, положила свою голову мне на грудь. Сладостные минуты тишины и умиротворения после бурного смещения любовных чувств. И даже обида, закрываясь мне в душу, не могла помешать мне наслаждаться покоем в объятиях любимой женщины...

– Это неправда, что ты думаешь... – сказала она.

– А что я думаю?

– То, что я не девочка...

– Ты всегда будешь моей девочкой. Что бы я ни думал, всегда...

– Вот видишь, все-таки думаешь... А ничего не было. Врач сказал, что это природное, что так бывает. Конституция такая...

– Отец твой поверил?

– Нет... А ты что, такой же, как мой отец?

– Боюсь, что да, – сам от себя того не ожидая, ответил я.

– Что ты сказал? – встрепенулась Вика.

– Сам не понял, что. Но сказал... Нет, бить я тебя не буду. Но убью любого, кто подойдет к тебе!

– Не надо так! – Вика судорожно вцепилась рукой в мои волосы, как будто хотела вырвать клочок из них.

Но моя короткая прическа спасла меня от расправы... Но что я такого сказал? Почему она так бурно отреагировала? Почему ее колотит от возмущения?

– Что с тобой? – изумленно спросил я.

– Ничего, – успокаиваясь, ответила она.

– Это же образно. Никого убивать я не буду...

Возможно, я угадал причину ее гнева. А может, и нет...

– Будешь бить?

В ее голосе чувствовалось возмущение, но ее рука уже мягко скользила по моим волосам, ласкала меня. Никаких истерических порывов...

– Ну, скажу, что им ловить нечего...

– Я сама им скажу... Как ты мог подумать, что я могу быть с кем-то, кроме тебя?.. Ты мой мужчина, и я твоя женщина. Только твоя...

Это прозвучало почти как признание в любви.

– Только моя... Знала бы ты, как я тебя люблю...

Может, и было что у Вики по глупости – если так, то из желания напакостить противному папе. Может, и было что. Но все это в прошлом. В настоящем – только я и она. И больше никого. И никогда. Я этого хочу, она этого хочет. А значит, так тому и быть...

– Я тоже... – сказала и запнулась она.

– Что тоже?

– Тоже люблю...

– Кого?

– Люблю...

– Так и скажи – я люблю тебя!

И хотя это было не так уж и обязательно, я все равно очень хотел, чтобы она так сказала.

– Ты любишь меня, – отшутилась она.

– Не так...

– А тебе не кажется, что пора спасаться бегством! – спохватилась Вика.

– Кажется... Когда мы увидимся? – одеваясь, спросил я.

– А ты завтра приходи, раз уж ты такой смелый... Хотя нет, Сашка будет... Но с ней, в общем-то, можно договориться...

– Знаешь что, завтра я приду к вам. И буду просить твоей руки и сердца!

– Шутишь?

– Какие шутки?! – Я удивленно посмотрел на нее.

Неужели до нее еще не дошла серьезность моих намерений?

– Ты серьезно?

– На все сто!

– А я согласна?.. Может, я не согласна за тебя замуж? – сказала она с таким видом, как будто всю жизнь мечтала осчастливить меня.

Она задавала вопрос, ответ на который знали мы оба.

– Согласна, – ответил я за нас обоих.

А как могло быть иначе?

Я попрощался с Викой в надежде, что наша разлука будет короткой, как миг. И вышел от нее в опасении нарваться на ее отца. В опасении за него... Про ее мать и Сашку я думал меньше всего. Они-то должны понять...

Этаж хоть и не самый высокий, но я решил, что Аркадию Васильевичу более свойственно добираться до своей квартиры лифтом, нежели пешим ходом. Поэтому, чтобы спуститься вниз, я воспользовался лестницей. Ошибочность моего выбора подтвердил сам Викин отец. Я нос к носу столкнулся с ним на площадке между третьим и вторым этажом.

– Ты?! – взвыл он от возмущения.

– Ну, я, – ответил я голосом человека, которому уже нечего терять.

– У Вики был?

– Ты, гнида! Ты зачем ее ударил? – перешел я в наступление.

– А за то, что с тобой, падлой!.. Ну ты попал, козел!

Что-то мне подсказывало, что бешеный физрук обладает мощным ударом. И, дабы не убедиться в том на собственном опыте, я пригнулся, пропуская над головой выброшенный в мою сторону кулак. И тут же ответил точечным ударом в солнечное сплетение. Аркадия Васильевича скрутило в бараний рог.

– Ты, сука, ответишь... – прохрипел он.

– Что ж ты делаешь, нехристь! – заорала невесть откуда взявшаяся бабка.

Она шла на меня, размахивая авоськой с пустыми бутылками. Разумеется, защищаться я не стал. И голову свою под удар подставлять не собирался. Я просто повернулся к ней спиной и продолжил свой путь вниз к машине. Жаль, конечно, что я так поступил с будущим тестем. Но ведь он сам виноват. Впредь будет уважать будущего зятя...

Глава 3

Я оставил Вике номер своего домашнего телефона. Поэтому ничуть не удивился, когда услышал в трубке ее голос.

– Корней, ты можешь ко мне приехать... – сказала она.

– Когда? – обрадовался я.

Время – двенадцать часов утра. То есть для нормальных людей полдень. Но ведь я в отпуске и могу спать долго. Поэтому для меня это утро.

– Прямо сейчас. Приезжай ко мне.

Само собой, я не позволил ей упрашивать себя. И, как то влюбленное создание, включив форсаж, умчался на свиданье.

С трепетом нажимал я клавишу входного звонка. Сердце замирало от мысли, что за этой дверью ждет меня самая прекрасная девушка на свете. Сейчас она впустит меня к себе, и мы... Аж дух захватывало в предвкушении предстоящего блаженства. Но дверь мне открыла мать Вики. Ася Андреевна – я уже знал, как звать-величать ее по отчеству. Сверлящий взгляд, плотно стиснутые губы – словом, ее вид не предвещал ничего хорошего.

– З-здрасте...

Как всякий воспитанный мужчина, я должен был произнести полное «здравствуйте». А как человек военный мог поприветствовать более емким «здравия желаю». Но я выдал именно «здрасте». Потому что испугался и растерялся. Ведь неспроста Ася Андреевна злится на меня. Ведь вчера я очень сильно ударил ее мужа. А если он сейчас в больнице? Все может быть...

– А Вика где? – не решаясь переступить через порог, спросил я.

– Дома. Проходи...

Она закрыла за мной дверь, провела в комнату, где я увидел незнакомую женщину в милицейской форме. Миловидная, надо сказать, особа. Чем-то на Асю Андреевну похожа. Скорее это было сходство типажей, нежели внешностей, но все же. На каждом погоне по четыре звездочки. Я почувствовал себя в мышеловке.

– Ну, здравствуйте, молодой человек, – сухим, если не сказать иссушающим, тоном поздоровалась со мной женщина.

– А-а... А в чем, собственно, дело? – стараясь взять себя в руки, вымолвил я.

– Моя фамилия Хазарова, зовут Алла Михайловна, капитан милиции, дознаватель отдела внутренних дел, – пристальным взглядом всматриваясь в меня, представилась она. И тут же вкрутила едкий вопрос: – Где вы были вчера в районе девятнадцати часов?

Такого поворота я не ожидал. В чем это меня обвиняют?

– В районе девятнадцати?... – задумался я.

После встречи с Викой и неприятного инцидента с ее отцом я не сразу поехал домой. Вернее, поехал, но через центр города.

– Э-э, катался на машине...

Да, в семь часов вчера я проезжал по Садовому кольцу мимо горьковского парка.

– С кем?

– Один... Знаете ли, соскучился по Москве. А тут такая возможность покататься по ночному городу... Ну, не по ночному, но все равно темно. Огни там, иллюминация... А что случилось? В чем проблема?

– Скажите, вы были вчера в этой квартире? – нагоняла туман дознаватель.

– Да.

– А когда уходили, в подъезде встретили Аркадия Васильевича Рухлина...

– А-а, да... Но он сам...

– Что он сам?

– Ну, напал на меня. Ударить хотел, да...

– Ударил?

– Нет... Ну, я увернулся. Ну, может, случайно. Я не хотел, но рука сама... Тоже случайно...

– И куда вы его ударили?

– Ну, в солнечное сплетение... Виноват, не хотел, так получилось...

– Вы даже перед ним не извинились.

– Так это, гражданка там какая-то, как набросится... Ну, ее-то я бить не стал. Она же женщина...

Ася Андреевна смотрела на меня молча и с осуждением. Вики вообще не было в комнате. А ведь она мне звонила... Наверное, видеть меня не хочет. Заманила в ловушку по просьбе дознавателя и умыла руки... А может... Страшная мысль пришла мне в голову. Что, если подлый Аркадий Васильевич уговорил ее подать на меня заявление в милицию. Об изнасиловании. Ведь он грозился... А Вика – девочка робкая и послушная, воля отца для нее закон... Если так, то дело гиблое. Закуют меня в кандалы и в Сибирь на каторгу...

– Эта женщина помешала вам добить гражданина Рухлина, – выдала версию Хазарова. Как оказалось, это была наводящая версия.

– Но все же вы довершили начатое. Подкараулили гражданина Рухлина возле мусорных баков и жестоко избили его! – заключила она.

Хоть стой, хоть падай.

– Это вы о ком?

– О вас!.. Ваши документы, гражданин! – выпалила дознаватель.

Как из ружья выстрелила.

Я протянул ей свой военный билет.

– Так, Корнеев Корней Корнеевич. Тысяча девятьсот семидесятого года рождения. Военская часть... Старший сержант... Воздушно-десантные войска, так я понимаю?

– Насчет этого да, а насчет мусорных баков – нет... Не избивал я никого...

– Да? Тогда где вы находились в районе девятнадцати часов?

– Говорю же, по ночной Москве катался...

– Кто может это подтвердить?

– Никто... А что с Аркадием Васильевичем?

– Ну вот, наконец-то догадались спросить, – язвительно усмехнулась Хазарова. – Плохо дело, гражданин Корнеев. Очень плохо. Тяжелая черепно-мозговая травма, повреждение позвоночника, множественные переломы... Да что я вам говорю... Чем вы по голове его ударили? Обрезок трубы? Бейсбольная бита?..

– Да не бил я его...

И тут до меня дошло. Эта Хазарова не просто милицейский дознаватель. Она сестра Аси Андреевны. Я вчера обидел Аркадия Васильевича, а они сегодня решили меня наказать жестоким розыгрышем... Хорошо, хоть в изнасиловании не обвинили. Наверное, посчитали, что это слишком.

– Ну и шуточки у вас, – я с облегчением выпустил воздух из легких. Вздохнул полной грудью.

– Шуточки?! – возмутилась капитанша. – Шуточки у вас, гражданин Корнеев. Очень опасные шуточки. Аркадий Васильевич на всю жизнь может остаться инвалидом. Возможно, на всю жизнь останется прикованным к инвалидному креслу...

– Да ладно вам, – вымученно улыбнулся я.

– А что тебя веселит, мерзавец? – вспыхнула Ася Андреевна. – Ворвался к нам в дом как последний негодяй, надругался над моей девочкой, избил моего мужа. И ему еще весело!

Сказала – как будто горсть мокрой соли на открытую рану высыпала.

– Да не избивал я вашего мужа, – оторопело пробормотал я.

– А инцидент в подъезде? – спросила Хазарова.

– Ну, было дело... Но я всего лишь один раз ударил. А возле мусорных баков я его не бил...

– А кто бил?

– Я откуда знаю?

– Ладно, так и запишем. Не знаешь, так не знаешь...

Дознаватель выдворила из комнаты Асю Андреевну, открыла свою папку, достала бланк протоколов, молча заполнила его.

– Ознакомься и подпиши...

Протокол отражал точную суть нашего с ней разговора. Я пожал плечами и подписал. Эта подпись разрушила последнюю иллюзию, которой я пытался отгородиться от навалившейся на меня действительности.

– И что мне теперь делать? – спросил я.

– Было бы, конечно, разумней взять вас под стражу, – как о чем-то приятном сказала Хазарова. – Но, поскольку вами должна заниматься военная прокуратура, пусть она и решает, что с вами делать. А я возьму с вас подписку о невыезде. Ваша задача находиться дома и ждать звонка или повестки из прокуратуры... Постоянно находиться дома, вы меня поняли?

– Домашний арест?

– А как хотите, так и называйте. Да, и запомните, любая ваша попытка помешать следственным действиям будет расцениваться как попытка уйти от ответственности со всеми вытекающими последствиями...

Если честно, я не совсем понял суть рожденного ею речитатива. Но мне стало совсем не по себе.

Хазарова еще раз на отдельном листке записала мой адрес и номер телефона, данные о родителях, взяла с меня подписку о невыезде. И была такова. Я хотел было уйти вместе с ней, но меня остановила Ася Андреевна.

– А вы бы задержались, молодой человек!

Я как вкопанный замер на пороге. Я уже не мог уйти – в данном случае я мог только сбежать. А бегство – это уже как признание своей вины.

Я медленно повернулся к ней. Она медленно приближалась ко мне. Как та старая ведьма из фильма «Вий» – страшно, медленно и неотвратимо. Только что руки с растопыренными пальцами ко мне не тянула. Но взгляд такой же жуткий.

– Я еще раз говорю, что не избивал вашего мужа, – выдавил я.

– А я тебе не верю!

Ася Андреевна замахнулась, чтобы вклеить мне пощечину. А я даже не удосужился поймать ее руку. И уклоняться не стал. Хлоп!.. А рука у нее, надо сказать, тяжелая. Так двинула, что в ушах зазвенело. И во рту появился привкус ржавчины... Я решил, что с меня хватит, и приготовился отразить очередной удар. Но Ася Андреевна больше бить меня не стала. Наклонилась голову, закрыла искривленное лицо руками и на полусогнутых скрылась в комнате.

Я мог уходить, но меня как будто магнитом потянуло вслед за ней. Она уже сидела на диване, когда я зашел в комнату. Плакала, закрыв лицо ладонями.

– Не, ну я правда не избивал вашего мужа...

Мне самому противен был собственный тон. Но я очень хотел, чтобы мне поверили.

– Не знаю...

– А где Вика?

Но больше всего я хотел оправдаться перед своей любимой.

Ася Андреевна проигнорировала мой вопрос. Тогда я решил сам заглянуть к Вике в комнату. Но только сделал шаг в обратном направлении, услышал:

– Ее там нет... Она в больнице, у отца... И я сейчас туда поеду...

– Могу вас подвезти.

– Не надо. Ты уже сделал все, что мог...

– Да не делал я ничего!.. А в какой больнице он лежит? Может, я подключу родителей?

Отец у меня отделением заведует, мать в департаменте, она много чего может...

– Не надо ничего! – с лютой злобой глянула на меня Ася Андреевна. – Не надо!.. Я хочу только одного – чтобы ты близко не подходил к нашей дочери!..

– Но вы же сами дали телефон...

– Забудь!.. Не было ничего... Знать тебя не знаю... А если ты еще хоть раз подойдешь к Вике, будешь отвечать еще и за соращение несовершеннолетней...

– Но не было же ничего...

– Не ври! Было!.. Подонок ты! Тебе дали палец, а ты всю руку отгрыз!.. Убирайся отсюда, видеть тебя не могу!..

Из дома, который мог стать для меня родным, я уходил как побитая собака. С поджатым хвостом... Не должен был я бить Аркадия Васильевича. Пусть Вика его боится, недолюбливает, пусть Ася Андреевна не согласна с его деспотическим отношением к близким. Но в любом случае одной он приходится родным отцом, другой – мужем. А я влез в чужой монастырь со своим уставом. Изменить что-то хотел... Дурак, одно слово.

А номер больницы, где лежал Аркадий Васильевич, я все же узнал. Через отца узнал. Но сначала пришлось ему все подробно рассказать – и про безумную любовь, и про инцидент в подъезде, и про подписку о невыезде. Отец обозвал меня недорослем – справедливо, но для данного случая слишком мягко. Забрал у меня ключи от машины, отправил меня домой, строго-настроено запретив покидать его. А сам на пару с мамой занялся дровами, которые я наломал...

Стоит ли объяснять, в каком напряжении я ждал звонка из военной прокуратуры. Но прошел день, второй, и ничего – ни звонка, ни повестки. У меня был телефон дознавателя Хазаровой, но звонить ей я не решался – еще чего, самому наручники на себя надевать... Позвонили на третий день.

– Старший сержант Корнеев? – услышал я строгий официально-командный голос.

Сердце екнуло в груди... Это из прокуратуры. Ну вот и все...

– Да, я. Слушаю... – обреченно пробормотал я.

– Эй, ты что, из толчка только что вылез? – Пашкиным голосом рассмеялась трубка.

– Тьфу ты!

Это был мой армейский друг Пашка... Соскучился, что ли? Этот вопрос я задал сначала себе – мысленно. Затем ему – вслух.

– Да нужен ты мне больно! – бодро сказал он. Но тут же заметно сник. – Это, Урусов просил позвонить...

– Что такое?

– Ну, тут такое дело, – замялся Пашка. – Не телефонный разговор...

– Тогда пишите письма. По секретной почте...

– Шутишь? Хорошо, что шутишь. Значит, настроение хорошее... Сейчас я его тебе испорчу. Короче, нас тут на Кавказ перебрасывают. Урусов без тебя как без рук. Просил, чтобы ты как можно скорей возвращался. Очень нужно...

– Куда на Кавказ? – взбудораженно спросил я.

– Ну, пока вроде бы во Владик. Ну, во Владикавказ... Короче, приезжай, сам узнаешь...

Судя по всему, узнать мне предстояло немало. Хотя о многом я догадывался уже сейчас. От Владикавказа до границы с Чечено-Ингушетией рукой подать. А там сейчас жарко. Телевидение не очень распространялось, но все же ясно было, что там идет война. Отряды Автурханова и Гантамирова уже два раза безуспешно штурмовали Грозный. Чеченцы воевали

с чеченцами, но, судя по всему, войскам оппозиции помогала Россия, пока только оружием. А если принято решение помочь Временному совету войсками? Было же такое с Афганистаном. Сколько лет там кровавая каша варилась. Из Чечни тоже могут такой же адов котел сделать. Дурное дело нехитрое...

– Это приказ? – спросил я.

– Ну, в общем, да... Хотя, конечно, можно подождать, пока ты из отпуска вернешься...

– А телеграммой меня отозвать обратно нельзя?

– Да Урусов думал телеграммой, но решил, что лучше меня на переговорный отпустить.

А что?

– Организуй телеграмму, брат. Очень прошу...

– Что, без нее никак?

– Я уже собираюсь. Честное слово, выведу первой же лошадей. А телеграмма очень нужна.

Потом объясню... Только обязательно...

Пашка заверил меня, что сделает все, как я прошу. Сказал, что костями ляжет, но делает... А вот костями ложиться не надо, подумал я в тот момент. Может, нам война впереди светит, а он так говорит. В Афгане сколько костей русских легло, что, если в Чечне-то же самое будет...

Но страха у меня не было. Скорее наоборот. Стыдно в этом признаваться, но я хотел, чтобы там, в Чечне, разыгралась настоящая буря. И вовсе не потому, что я хотел стать героем. Во все не потому, что мне хотелось убивать. Я всего лишь хотел потеряться в бушующем пламени войны – чтобы никакая прокуратура меня не нашла...

Однажды я уже сбегал от уголовного преследования в армию. И ведь пронесло, никаких последствий. Так почему я не могу сбежать от такого же следствия сейчас?... Я знал, что в нашей армии существует лишь видимость порядка. Пока часть стоит на месте, все вроде бы хорошо, а стоит ее поднять по тревоге с последующей передислокацией на новое место – такой бардак может начаться, что целый батальон потерять можно, не то что отдельно взятого бойца... Короче, я очень надеялся, что в горячей точке меня не найдет никакая прокуратура. Поэтому вечером того же дня на первом же поезде удрал из Москвы. Именно удрал, а не уехал...

Я даже не стал заезжать в расположение полка, хотя должен был. Дело в том, что еще на подъезде к вокзалу я встретил своего ротного. Вернее, не встретил, а увидел из окна поезда. И ротного, и взводного, и еще нескольких пацанов из своей роты. На запасных путях они ставили на платформы открытых вагонов боевую технику – боевые машины десанта, танковую и автомобильную технику. В тот момент наш поезд замедлил ход, и я мог видеть лицо капитана Болотницкого. И еще несколько лиц промелькнуло перед моим удивленным взором. Я помахал им рукой, но, разумеется, меня никто не увидел. Погрузка, похоже, шла ускоренным темпом, поэтому моим боевым товарищам было не то что не до меня, но и не до всех проходящих мимо поездов.

А мой поезд подходил к вокзалу. Многие пассажиры уже стояли в коридоре у окон в готовности к выходу. Мужчины, женщины, старик, кто-то из детей. И когда воинский эшелон исчез из вида, почти все встревоженно глянули на меня. «Неужели война?» – читалось в их взглядах. «Может быть», – мысленно ответил я. И когда поезд прибыл на вокзал, вышел из вагона с геройским видом человека, отправляющегося на фронт.

Я мог бы сказать, что попал с корабля на бал. И, пожалуй, не очень бы ошибся, во всяком случае, по духу события. Хотя на самом деле я должен был сказать, что, наоборот, попал с бала на корабль. Но ведь не важно, как что скажешь, главное, суть. А по сути меня с ходу закружил водоворот событий.

– А-а, Корнеев! – как родному, обрадовался мне Болотницкий. – Отдохнул?

– Так точно!

– Ну, тогда запрягайся. С Урусовым в караул пойдешь...

– Есть!

Знал бы ротный, что подследственного в караул ставит. Но ему этого лучше не знать.

Урусов даже не спросил, как дела, был я в части или нет, готов к дальней дороге или что-то для этого требуется. А зачем спрашивать? Видит же, что жив-здоров солдат. Парадную форму одежды на полевую менять не нужно – камуфляж уже на мне. Неплохо было бы берет на теплую шапку заменить, но с этим можно на месте разобраться. И теплые штаны у старшины раздобуду. Об оружии даже говорить нечего – наверняка мой автомат и все прочее включено в походный арсенал.

– Замначкара со мной пойдешь, – распорядился взводный.

Совсем еще пацан. Среднего роста, худощавый, щеки гладкие – как будто никогда бритвы не знали – розовые, как у юнца. Но горе тому, кто решит, что справиться с ним можно одной левой. В учебном спарринге Урусов даже ротного сделать может. А Болотницкий – лучший рукопашник в полку. Да и Афган ротный успел захватить – говорят, там он двух «духов» в бою голыми руками задавил... Эх, неужели и нам придется схлестнуться с чеченскими «духами». Я еще не вник в обстановку, но уже всеми фибрами души чувствовал, что эта поездка закончится для нас чем-то страшным....

– Товарищ лейтенант, а как насчет телеграммы? – спросил я. – Я просил...

– Все в порядке, Корнеев. Другу своему скажи «спасибо»... А зачем тебе телеграмма? Ты ведь уже здесь?

– Да так...

– А ну выкладывай, что там у тебя случилось?

– Корова отелилась... – брякнул я.

– Чего? – вытянулось лицо Урусова.

– Шутка такая... А в каждой шутке есть доля шутки...

– Что, кто-то ляльку тебе на гражданке родил? – хмыкнул взводный.

– Ну да...

Я не врал, я всего лишь согласился с предположением, которое выдвинул мой командир. Командир! Я должен был подчиняться ему согласно уставу и присяге...

– Невеста не отпустила?

– Ага, – снова согласился я.

– Понятно... Хотя ничего не понятно... Короче, Корнеев, не морочь мне голову. Давай, готовься, через час развод...

Перед заступлением в караул полагался отдых, но прилечь мне не дали – хотя уже были оборудованы вагоны для перевозки личного состава. Не до отдыха было. И статьи устава повторить некогда было. Бардак вокруг полнейший – никто ничего не знает, ни у кого ничего нет. И если бы не Пашка, я в жизнь бы не нашел свой вещмешок, шапку и теплые штаны. А холод стоял нешуточный. Не то чтобы сильный мороз, но из-за повышенной влажности пробирало до костей. И снаряжение свое я также нашел у Пашки. Бронежилет и автомат выдал старшина. Старший сержант Корнеев к заступлению в караул готов... Тоска...

Как я вскоре выяснил, полк уходил на Кавказ не в полном составе, всего одним батальоном. Плюс наша разведрота. Нет бы сделать сводный батальон – молодых налево, старослужащих направо, то есть в путь. Так нет, выбрали первый батальон, усилили его нашей разведротой, и вперед. Хотя бы до штатов мирного времени роты довели. До ста человек, как положено. Я уже не говорю про штаты времени военного. Так нет, как было в ротках по сорок-пятьдесят человек, так и осталось. И технику не всю взяли...

И еще что меня удивило – почему нас отправляли железнодорожным транспортом, а не воздушным. Нас же готовили к тому, чтобы выбрасывать в тыл к врагу самолетами. Неужели наша часть зря называлась воздушно-десантной?..

Но командованию виднее – эшелон так эшелон, по «железке» так по «железке». Ко всему приучены. И караул организовали на высшем уровне. Вокруг суматоха, неразбериха – а у нас все согласно уставу. Развод суточного наряда, караульное помещение в отдельном вагоне – с оружейкой и даже сушилкой для промокших сапог и обмундирования... Правда, выяснилось, что караул не суточный, а на все время пути. А это не очень хорошо. Если эшелону везде будет зеленый свет, то до того же Владикавказа можно за двое суток добраться, если нет, то и за неделю не управишься. Но если погрузка шла ударными темпами, то и зеленую улицу эшелонам откроют.

Эшелон был готов к отправлению. Поздним вечером вместе с начкаром мы приняли под охрану закрепленную на платформах технику, проверили печати на опломбированном вагоне с боеприпасами. А ночью поезд тронулся в путь. Но почему-то не в сторону Кавказа, а в противоположном направлении.

Я вопросительно глянул на Урусова. Но он лишь пожал плечами. Начальству, дескать, виднее... Начальство в армии – это все, и голова, и задница. Если все нормально, то «го», если бардак, то «жо»...

На «жо» мы сели уже утром следующего дня. Оказывается, наш эшелон прибыл в Рязань. Там и последовала команда разгружаться.

Первым не выдержал ротный.

– Твою мать! Мы бы своим ходом за шесть часов дошли! Еще вчера здесь были бы!

Но приказ есть приказ. В Рязань, поездом, непонятно зачем. Приказ выполнили. Мы уже в Рязани, сгружаемся с поезда. А вот «непонятно зачем» осталось, так и висит над нами серым туманом. И неизвестно, сколь долго еще будет висеть и давить на извилины. Даже командир батальона ничего не знал. А это уже полный бардак...

Ситуация прояснилась лишь ночью. Был получен приказ выдвинуться в сторону военного аэродрома... Наверняка такая секретность не снилась даже крупным военачальникам во время Великой Отечественной войны. Разве что в самом ее начале, когда общую ситуацию можно было охарактеризовать в нескольких словах – тупой на тупом и тупым погоняет... Похоже, и здесь то же самое. Ведь прав был Болотницкий, до места назначения запросто можно было бы добраться своим ходом – маршевой колонной. И времени бы меньше затратили, и нервов... Но сколько бы мы ни удивлялись, снова все сводилось к начальству: оно большое, ему видней.

Утром наша колонна была уже на аэродроме, где нас, к счастью, уже ждали. Или к несчастью?.. Личный состав и технику батальона расфасовали по огромным «Русланам». Никаких парашютов не предусматривалось, и высадки в тыл врага не предусматривалось – обычная транспортировка с аэродрома на аэродром. И зачем, спрашивается, было метаться из угла в угол, когда мы запросто могли бы перебазироваться в Моздок сразу и со своего аэродрома... Хотел бы я сказать про начальство, да ладно уж. Чувствовалось, что впереди нас ждет много интересного и нецензурно-выразительного...

В Моздок прибыли без приключений. Разгрузились. Разместились вблизи аэродрома, прямо в поле. Разбили палаточный лагерь, огородили колючкой парк боевой техники, организовали охрану и оборону позиций – все четко, все по науке. Даже пару-тройку караульных грибков по периметру воткнули. Но это больше для показухи. Войной здесь еще не пахло, но комбат, он же командир сводного подразделения, распорядился охранять лагерь секретами, то есть часовые должны были находиться на скрытых от посторонних глаз позициях – никаких грибков, никаких вышек.

Обустройство лагеря заняло не больше суток. Дальше началось совершенствование организации охраны и обороны. Делать-то все равно было нечего – никаких приказов относительно наших дальнейших действий не поступало. Теоретически совершенствование охраны не представляло большой сложности. Ее даже можно было выразить в двух словах – бери лопату и

копай. А на практике ну его в пень такое усовершенствование. Но делать нечего, пришлось рыть окопы по периметру лагеря. Все правильно, у солдата должны быть заняты руки – чтобы мысли дурные в голову не лезли. Может, оно и правильно. Да и безопасно, если на то пошло. Если вдруг какая беда минометно-орудийного характера, то без окопа будет худо...

Но у нас все было спокойно. Что никак нельзя было отнести к событиям в Грозном. Двадцать шестого ноября андидудаевская оппозиция снова попыталась взять штурмом столицу независимой Ичкерии. Танковые части Временного совета смогли дойти до центра города, но были расстреляны из гранатометов. На следующий день корреспондентам телеканалов демонстрировали пленных, которые признавались, что служат в Российской армии по контракту. Разумеется, наше высокопоставленное начальство отрицало свою причастность к операции, но я-то уже понимал, что такой расклад вполне мог иметь место. Ведь не зря же нас выдвинули на границу с Чечней...

Неудача так называемых союзников не замедлила сказаться на нас. Наконец-то мы получили боевой приказ – начать интенсивную подготовку к ведению боевых действий.

– Теперь нам придется Грозный штурмовать, – высказался по этому поводу взводный.

Мы с Пашкой сидели в своей палатке и уминали разогретую на сухом спирту кашу. Урусов как ни в чем не бывало забрал у Пашки ополовиненную банку и с помощью его же ложки загрузил свой рот мясо-растительной массой. Со стороны это могло показаться проявлением дедовщины, вернее, командирщины. Но мы с Пашкой восприняли это как признак проявляющегося армейского братства. Ведь Генка Урусов не кичился перед нами своим званием и положением. Он жил в таких же условиях, что и мы, хлебал из того же армейского котла. И не побрезговал, говоря образно, отхлебнуть из Пашкиного котелка. Тем более что банка с кашей тут же вернулась к ее правообладателю.

– Нам... придется... Грозный брат... – пережевывая теплую, но сухую и твердую кашу, повторил Урусов.

– Может, обойдется, – с надеждой посмотрел на него Пашка.

Как всякому нормальному человеку, ему не хотелось умирать. Была бы цель, а тут бары дерутся. Они власть делят, а у холопов должны чубы трещать...

– Да хотелось бы... – пожал плечами Урусов. – Но если пошлют, то приказ есть приказ... Жарко будет. Очень жарко... Еще Великая Отечественная война доказала, что танковый бой в условиях большого города – дело безнадежное. А они все танки в Грозный пихают. У «чехов» гранатометов немерено... Да что там гранатометы. Пушки, «Грады»... Даже самолеты... Ну да ладно, наверху сделают правильные выводы. Мы же не скотина, чтобы нас на убой. Правильно я говорю, парни?..

– Да ты-то правильно говоришь, – в раздумье кивнул я. – И верховное начальство говорить умеет. А что будет, когда дела коснется?.. Еще ничего не началось, а уже какой бардак...

Все не шло у меня из головы те казусы с передислокацией нашего подразделения. То поезд, то самолет. Все всё понимают, но толком никто ничего не понимает... Неужели и дальше так будет...

Комбат организовал плановые занятия по боевой подготовке. Не обошлось и без политической. Тридцатого ноября на политинформации нам зачитали обращение Президента к участникам вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Обеим сторонам был предъявлен ультиматум – в течение сорока восьми часов прекратить огонь, сложить оружие и распустить все вооруженные формирования. Если ультиматум не будет принят, то Совет безопасности Российской Федерации примет решение о проведении военной операции. Я так понял, что решение уже было принято, потому что глупо было надеяться на положительный исход вопроса. Не для того Дудаев готовился к большой войне, чтобы слушать сановных клоунов из Кремля.

В тот же день на тех же «Русланах» в Моздок прибыл полк Тульской военно-воздушной дивизии. В Беслане же высадились «пскапские» десантники – представители Псковской дивизии... И это было только начало...

Больше всего я боялся, что в Моздок прибудет представитель Московской военной прокуратуры. По мою душу. Но никто меня не беспокоил – если не считать ротного с его изнурительными занятиями по боевой подготовке. Похоже, он чувствовал, что нас ждет впереди... Поэтому и зверствовал на учениях, чтобы хоть на каплю было легче в бою. И комбат гонял бойцов своих рот до посинения. К войне готовил. А война уже фактически началась...

Наш Президент обожал подписывать указы. Иногда мне даже казалось, что у него фамилия такая «Я подписал Указ...» Так вот, одиннадцатого декабря он выдал очередной указ. «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». А двенадцатого декабря на территорию Чечни вошли российские войска...

Но наше подразделение пока что оставалось в Моздоке. И только девятнадцатого декабря мы получили первую по-настоящему боевую задачу. Наше подразделение придавалось одной из войсковых группировок, целью которых был Грозный. Батальон включили в состав колонны, для которой наша разведрота должна была стать ушами и глазами. Как известно, без разведки на войне никуда.

Двадцать четвертого декабря войсковая колонна взяла курс на Аргун, в район сосредоточения Восточной группировки. Танки, бронетранспортеры, «Грады», артиллерийские орудия, передвижные автомастерские, командно-штабные машины. Личный состав на броне боевых машин. У кого бронезилеты, у кого просто разгрузки с полным боекомплектом, автоматы с подствольниками и без. Зрелище грандиозное. Но одновременно пугающее.

В десанниках я худо-бедно был уверен – нас гоняли как сидоровых коз по всем видам боевой подготовки. И по-пластунски мы ползали как пешком ходили, и перебежками передвигаться могли, и вовремя спешиться с брони, и открыть огонь на поражение – все могли. Даже молодые кое-что умели. А вот пехота представляла собой плачевное зрелище. Я своими глазами видел, как один салага в огромном не по размеру бушлате трясущимися руками присоединял магазин к автомату. Как будто в первый раз это делал. С горем пополам присоединил. И так обрадовался, как будто вражеский дзот из гранатомета накрыл... Как бы самого в первом же бою не накрыло. А ведь накроет, если он автомат первый раз в жизни видит. И не один он такой. Известно, что мотострелки больше хозяйственными работами в своих частях занимаются, нежели боевой подготовкой. И с бензином у них вечные напряги, чтобы упражняться в вождении боевой техники. Неудивительно, что уже на пятом километре пути сошла с дороги и зарылась носом в глубокий кювет боевая машина пехоты. Никто не пострадал, транспортер вытащили. Но время потеряли. А если бы в бою это случилось? Так бы и потеряли единицу боевой техники ни за понюшку табака.

Наша рота шла впереди колонны. Пять боевых машин с десантом на броне, сорок два человека личного состава – явный недобор по этой части. Хорошо хоть с командным составом полный порядок – шесть офицеров и три прапорщика, один из которых в свое время участвовал в осетино-ингушском конфликте. Ротный в Афгане побывал, орденосеиц. Взводные – просто отличные офицеры, лучшие из лучших, эдакие молодые волки с острыми зубами. Да и рядовые бойцы ничего, если брать старослужащих. Молодым страшно, понимают, что для войны они подготовлены плохо. Но держатся они бодрячком. Держатся, так сказать, за старших товарищей, которые, в свою очередь, надеются на своих офицеров. Я хоть и был старше Урусова по возрасту, тоже хотел на него надеяться. Как-никак он суворовское закончил, затем четыре года военного училища, курсы спецподготовки. Но и сам не хотел плошать. Полтора года службы за плечами. Полевые выходы, марш-броски, полигоны-стрельбища – все было, и по максимуму. Ведь мы же разведка – легкой жизни у нас не было.

– Знала бы Ленка, где мы сейчас, – стараясь перекрыть грохот двигателей, крикнул мне в ухо Пашка.

Я кивнул. Геройский вид у Пашки. Грудь колесом, шапка набекрень, бронежилет, автомат с подствольником держит одной рукой под углом пятьдесят-шестьдесят градусов – как будто гранатой шарахнуть собирается. А кто его знает, может, и придется спустить выстрел с цепи. Мы же в арьергарде, впереди нас только боевая машина ротного. Мы еще не пересекли границу Чечни, но вот-вот это случится. А там уже громыхает. Войска уже потери несут. И нас могут накрыть. Поэтому мы уже сейчас глядим в оба. Нервы и зрение напряжены, а все равно в голову лезут мысли о любви – и мне, и Пашке, и другим пацанам. А офицеры, наверное, о своих женах думают, у кого они есть....

– А у тебя что, с Танькой все? – непонятно зачем спросил Пашка.

Разумеется, я уже рассказал ему о своем романе с московской красавицей. И про отношения с Аркадием Васильевичем поведал, и об их последствиях. А чего бояться? Что было, то было, тем более что спросить с меня хотят за то, чего не было.

– Все! – отрезал я.

Даже если с Викой у меня не сложится... Мало ли, вдруг ее замуж выдадут. Или меня покалечат так, что я сам не захочу к ней... В общем, если вдруг что, Танюха мне уже не нужна. Хорошая она девчонка, но после Вики я на нее даже смотреть не смогу. Никто мне не нужен, только Вика... Только бы дожить до встречи с ней...

Видит бог, не избивал я ее отца до полусмерти. Но ведь во всем обвиняют меня. Может, следователь Московской военной прокуратуры шлет запрос в мою часть с требованием отправить меня в столицу для дачи показаний... Пусть шлет. А я шлю его – ко всем чертям. Я еду на войну, и если он такой умный, пусть отправляется за мной...

Мы пересекли границу с Чечней, проехали километра два и остановились – дорогу перекрывала толпа гражданского населения, само собой, чеченской национальности. И с каждой минутой толпа становилась все больше. Из ближайшего селения к дороге ручьями стекались женщины, старики, подростки. Были и мужчины, так сказать, призывного возраста. Возможно, под полами своих курток они прятали автоматы. Впереди них неспешно шли мирные селяне славянского происхождения. Со стороны могло показаться, что русских жителей ведут к дороге под конвоем. Скорее всего так оно и было.

Я уже знал о таких случаях, когда толпа «мирного населения» окружала армейские бронетранспортеры. Офицеры и солдаты в замешательстве – не стрелять же, не давить гусеницами и колесами. Пока думаешь, как быть, тебя раз, и на прицел автомата. А дальше плен... Целыми экипажами в плен брали, со всей техникой...

Знал я о таких случаях, поэтому не очень удивился, когда командир роты отдал приказ личному составу перебраться в десантные отсеки под защиту брони. И когда это было выполнено, дал команду двигаться вперед, на толпу. Капитан Болотницкий брал на себя большую ответственность. Но брал он ее для того, чтобы мы, его подчиненные, остались в живых... Никогда не забыть мне перекошенные от боли и ненависти лица намотанных на гусеницы людей. Я через бойницы наблюдал, как разлетаются в стороны не раздавленные и не желающие стать таковыми женщины и дети. Они отбегали от дороги, с криками и проклятиями швыряли в нас камни. А «слон» двигался...

Неизвестно, что было бы с нами, со всей колонной, если бы ротный не отдал приказ продолжать движение вперед через трупы чеченских жителей. Нас бы могли захватить в плен, убить. И все равно было тошно на душе. Ведь мы солдаты, мы не убийцы. А сколько женщин раздавили, детей... Да, они сами виноваты. Но и мы виноваты тоже... Списать все на войну? Говорят, у политиков это очень хорошо получается. Правда, те же политики запишут кровь мирных жителей на наш счет. И будут сажать нас в тюрьмы, как это делали с нашими военными

в Афгане – сколько осудили таких без вины виноватых, как капитан Болотницкий. И сколько еще осудят...

К вечеру колонна остановилась в окрестностях Толстого Юрта. В само селение заходить не решились, зная агрессивный нрав местного населения. Ни горячего ужина вечером, ни горячего завтрака утром. А ведь я собственными глазами видел полевые кухни, но ни одна из них не дымила. То ли топлива впопыхах не взяли, то ли кашеварить было не из чего, то ли просто лень было напрягаться. А зачем? Ведь есть сухие пайки...

Утром колонна снова двинулась в путь. А через пару часов мы опять напоролась на чеченцев. На этот раз это были отнюдь не мирные жители... Замполиты уверяли нас, что у Дудаева под рукой несколько горсток плохо обученных и плохо вооруженных бандитов. Но я-то слышал от бывалых людей, что в начале девяностых при выводе наших войск из Грозного чеченцам досталось техники и вооружения не на одну дивизию. Даже самолеты были... Но «соколов Дудаева» мы не увидели. Зато познакомились с чеченским «богом войны» – артиллерией. А если точнее, с системами залпового огня «Град». Об этом лучше не вспоминать. Жуткий вой падающих снарядов, оглушающие взрывы, клубы огня и дыма. Сотрясалась земля, горела техника, обливались кровью убитые и раненые солдаты... Нашей роте повезло. Хотя мы и шли в авангарде колонны, предназначенный нам залп вспахал землю в полусотне метров правее. Зато мотострелкам и танкистам не повезло. Чеченцы нарочно выбрали для нападения изрытую арыками и возвышенностями местность. Рассредоточение техники шло слишком медленно, а местами колонну просто парализовало – сказывалась неподготовленность командиров и экипажей... Хорошо, что обстрел длился недолго. Да и наши артиллеристы вроде бы не подкачали. Одна за другой открыли огонь реактивные установки. На этом концерт по заявкам дудаевцев был закончен. Вражеская артиллерия замолчала, а наша рота организованным порядком выдвинулась в сторону, откуда велся огонь. И тут же попала под плотный огонь – автоматы, крупнокалиберные пулеметы, скорострельные пушки и танковые орудия. Стреляли по нам наши же. Смеха нет, один только грех. Стреляли от нахлынувшего ужаса, от безысходности. И не столько в нас, сколько в белый свет, как в копеечку...

А ведь все так хорошо начиналось. Я даже не успел испугаться, может, потому и впал в боевую эйфорию. Когда чеченская артиллерия перенесла огонь в глубь наших боевых порядков, то бишь колонны, я сам по команде ротного в два счета запрыгнул на броню, чтобы уничтожить вражеский расчет. И пацаны тоже не сдрейфили... А когда ударили свои...

Я лежал, вжавшись в землю, и ждал, когда стихнет бестолково-суматошная канонада. Я почему-то не верил, что нас могут накрыть свои же. Но мне было страшно. Страшно вообще... Это я вышел из состояния аффекта, и жуткий страх перед смертью навалился на меня со всей силой... Меня могло разнести в клочья реактивным залпом, мне могло оторвать голову снарядом из нашего же танка... Да много чего могло случиться. И невероятно, что я остался жив... А пули и снаряды продолжали проноситься над головой... Жуть.

Когда канонада стихла, я еще долго не мог прийти в себя. И долго лежал, вжавшись головой в землю.

– Корнеев! – услышал я дрожащий голос Урусова.

То ли от волнения голос дрожал, то ли от страха – а скорее от того и от другого... Да, лейтенант тоже был напуган, но он стоял на ногах, а я лежал на земле как последний трус...

– Что с тобой? Ранен?

Я ничего не сказал. Молча поднялся и отвел в сторону взгляд.

– Эй, а ты чего? – удивленно спросил взводный.

– Ничего... – буркнул я.

– Приказа не было – ты мог лежать сколько угодно... Всем страшно, Корнеев. Всем!

Вот так просто лейтенант объяснил труднообъяснимую на первый взгляд ситуацию. Оказывается, я никакой не трус. Ведь не было приказа подниматься в атаку, поэтому я мог хоть

врыться в землю головой. И отстреливаться тоже приказа не было – не стрелять же по своим... Ведь поднялся же я с земли, когда ротный дал приказ уничтожить артиллерийскую точку противника... Точно, не трус я. И все равно состояние было хреновое.

– Провести проверку личного состава, доложить о потерях! – жестким командным голосом распорядился Урусов.

Как хлыстом меня подстегнул... Как же я был ему благодарен за поддержку. Как же я ненавидел самого себя...

Я ожидал услышать страшную весть о больших потерях. Но выяснилось, что в моем взводе из одиннадцати человек только один ранен. Во втором взводе снарядом перебило гусеницу боевой машины, потерь среди личного состава нет. В третьем взводе два легкораненых. Был и убитый – погиб командир отделения связи и управления. Свои же подстрелили...

В колонне потери были куда более ужасающими – восемнадцать человек убитых, более тридцати раненых. Уничтожено три танка, пять бронетранспортеров, несколько машин получили повреждения, не совместимые с дальнейшим продвижением вперед... Вот таким он выдался, второй день войны...

А ведь потерь вообще могло бы не быть. Достаточно было правильно организовать воздушную и наземную разведку. Наша рота, по идее, не должна была идти в авангарде колонны. Мы должны были исследовать местность на много километров впереди колонны. Ну ладно мы... А где была авиация? Почему мы не видели вертолетов и хваленых штурмовиков?.. А «чехи», судя по всему, воевали грамотно. Мало было устроить засаду, надо было при этом остаться незаметными. Остались. И не потому, что им просто повезло. Они даже тишину в эфире соблюдали... А может, просто наше оборудование радио- и радиотехнической разведки безнадежно устарело для того, чтобы засекал их современные средства связи... Как бы то ни было, а пистон нам вставили капитально...

Я думал, что полученный урок пойдет впредь. Но начальник колонны продолжал держать нас в авангарде. Видимо, по его замыслу в нашу задачу входило принять на себя первый удар противника... К счастью, все обошлось, и к исходу этого же дня мы подошли к селению Аргун, в район сосредоточения Восточной группировки.

И снова я стал свидетелем фатального идиотизма, похлеще всякой артиллерии накрывшего наши доблестные некогда войска – то ли по непроходимой тупости верховного начальства, то ли по чьему-то злому умыслу. Район сосредоточения группировки представлял собой огромное и бесформенное скопление живой силы и техники. Новенькие танки, бронемашины всех мастей, «Грады», «Смерчи» стояли вперемешку с изуродованной в боях техникой. Пир грозной боевой силы на кладбище вооружений. Хорошо хоть свежих могил посреди палаточных городков не наблюдалось... Я сказал, палаточные городки? Извините, оговорился. Я видел только несколько палаток – вразброс и далеко друг от друга. Подавляющая масса людей размещалась на голой земле во чистом поле. Изможденные, потерянные от страха солдаты словно тени бродили по беспорядочным лабиринтам из танков, машин и орудий. Это было какое-то дикое скопище одетых в военную форму людей. Грязные, невымытые, голодные. То ли нарочно, то ли впопыхах командование многих частей забывало прихватить с собой на выход запас провизии. Многие солдаты находились здесь уже по нескольку суток, и выданный трехдневный сухпай у большинства уже закончился. О горячей пище приходилось только мечтать... И это мы воюем с маленьким народом. Страшно себе представить, что было бы, если бы нам пришлось выступить против блока НАТО...

Но страшно было и без того. Аргун представлял собой вражеский укрепленный район. У чеченских «духов» было все, кроме авиации. Врытые в землю танки, орудия, минометы, о пулеметах и автоматах я уже не говорю. Они сказали о себе сами. Едва мы разместились на хаотично отведенном для нас участке местности, как со стороны Аргуна ударила артиллерия. Помимо снарядов и мин в нашу сторону полетели смертоносные светлячки-трассеры. А ни

окопов, ни траншей, о блиндажах и разговора нет. И огневые позиции, разумеется, не оборудованы. А ведь все чеченское «добро» летело на нас. Грохот взрывов, упругие колыхания воздушных волн, свист осколков... Само собой, никто не собирался уподобляться испуганным страусам и зарывать голову в землю. Стреляла наша рота, стреляла стоявшая по соседству танковая рота. Резали слух «Грады» и «Смерчи». Бывали моменты, когда канонада становилась настолько сильной, что становилось светло, как днем.

Увы, но наша артиллерия работала почти вслепую. Не было точных разведанных. Тем более что «чехи» стреляли не только из Аргуна, но и со всех сторон. Боеприпасов расходовалось много, а толку от этого было мало. К счастью, и «чехи» не обладали достаточно высоким мастерством для того, чтобы разнести скопление техники в пух и прах. Но урон от их действий все же ощущался... Казалось, что командование группировки всей своей массой подключилось к этой беспорядочной пальбе – как будто это был какой-то праздничный салют. Никакого руководства, никакого взаимодействия. Кто в лес, кто по дрова. Это был даже не бардак, я стал свидетелем настоящего хаоса...

В конце концов ротный распорядился прекратить беспорядочную стрельбу и начать работу по обнаружению огневых точек противника. Благо что для этого мы обладали определенными практическими знаниями и приборами ночного видения. Мы по собственной инициативе добывали драгоценную информацию, но нам самим же приходилось доводить ее до артиллеристов. Пока суд да дело, «чехи» уже сменили позицию, и артиллерия накрыла пустой квадрат...

Канонада стихла только к утру. Только тогда появились вертолеты, но вовсе не для того, чтобы сровнять Аргун с землей. Нет, для того, чтобы забрать раненых и убитых. А их, к моему тихому ужасу, было много – счет шел на десятки, если не на сотни... Не обошлось без потерь и у нас. Четыре «двухсотых» и семь «трехсотых»... Война продолжалась.

За вчерашний день и сегодняшнюю ночь мы измотались так, что едва держались на ногах. Но ротный заставил нас рыть окопы и сооружать блиндаж для защиты от минометных обстрелов. К вечеру мы совершенно валились с ног. Лопаты вываливались из рук, и сложно было предположить, что в них удержатся автоматы. Но поступил приказ – совершить скрытый рейд к окраинам Аргуна с целью выявить огневые точки противника. Есть силы или нет, а идти надо...

К ночи мы вышли на позиции мотострелкового батальона, за которыми начиналась ничейная земля. Здесь чувствовался кое-какой порядок – траншеи в полный рост, блиндажи. Но боевое охранение – ноль. Уже началась канонада, и очумевшие от страха солдатики жались к стенкам окопов. Чеченским боевикам ничего не стоило сейчас свалиться им на голову и перерезать их всех как баранов. Бедняги даже не поняли бы, что произошло. Но, как вскоре выяснилось, чеченцы просто не смогли бы выйти на позиции батальона. Дело в том, что не имевший боевого опыта комбат распорядился заминировать все подступы к своим позициям. Что и было сделано. Ни проходов, ни схемы минных полей... Теперь я понимал, почему в сорок первом немец брал нас голыми руками.

Подобраться к Аргуну было нереально. Но и обратно уходить нельзя – расценят как невыполнение приказа. Пришлось остаться на позициях и отсюда вести разведку. Стреляли по позициям чеченцев и засекали вражеские точки, откуда по нам велся ответный огонь. И так всю ночь...

Я не помнил, как вернулся на базу, если так можно было назвать место нашей дислокации. Недорытые окопы, недостроенные блиндажи. Холод, грязь, слякоть. И последние остатки сухого пайка... Очень хотелось есть, но, честное слово, я бы, не задумываясь, отдал последнюю банку тушенки за возможность поспать хотя бы пару часиков. Но ротный продолжал издеваться над нами и чуть ли не пинками заставил нас закончить оборудование позиций. А ночью снова артналет. Но мы не артиллеристы, а наше стрелковое оружие мало подходило для нанесения серьезного ответного удара. Поэтому ротный разрешил нам не высовываться из блин-

дажа. Благо, что боевых приказов не было. Казалось, их уже перестали отдавать. Казалось, что там, наверху, решили отдать нас на съедение дудаевским волкам. Кушайте, мол, только, пожалуйста, не подавитесь, а то у нас на подходе очередная партия «пушечного мяса»... Я мог думать о высоком начальстве все, что угодно, но у меня не хватало сил злиться на него. Я очень хотел спать. И заснул, несмотря на обстрел...

Аргун нужно было брать любой ценой. Об этом говорил ротный, об этом догадывался даже я. Ведь мы шли на Грозный, и никак нельзя было оставлять у себя в тылу мощный укрепленный район. Но командованию, как всегда, было виднее. Утром поступил приказ – в составе всей группировки выдвинуться в район Ханкалы. Необходимо было отвоевать у «чехов» этот важнейший для штурма Грозного плацдарм.

Наша колонна первой подошла к Ханкале. Заняли позиции. Подтянулись танки, тяжелая техника. Организовали круговую оборону. Что-то уже начало получаться. Хотя до идеала было еще ой как далеко. Идеал в Российской армии случался только на учениях, и то если инспекторскую комиссию хорошенько напоить. Но «чехи» оказались куда более придирчивыми инспекторами, нежели комиссии из Генштаба. Они ставили оценки, расписываясь за них нашей же кровью...

В ночь на тридцатое декабря наша рота получила очередную задачу. В составе основных сил мы должны были овладеть Ханкалой. Задача для линейного десантно-штурмового подразделения. Но мы-то разведчики... Впрочем, приказы не обсуждают, тем более в той неразберихе, которая предшествовала предстоящему наступлению.

Мы выдвинулись на указанные исходные позиции, приступили к разведке местности. Позади правее нас метрах в пятидесяти от наших позиций окапывался взвод противохимической защиты. Я бы не удивился, если бы узнал, что у чеченцев есть химическое оружие. Но нам никто ничего не объяснял. Химики молча и с остервенением вгрызались в мерзлую землю. Зима, холод на фоне повышенной влажности – врагу не пожелаешь. Но это сущий пустяк по сравнению с угрозой стать жертвой минометно-пулеметного обстрела. Вся местность в этом районе была изрыта проклятыми арыками, по которым к нам в любой момент могли выйти боевики. Обстреляют, отойдут, а потом снова высунутся из другого места. Из пушек БМД их не достанешь. Минометов у нас, к сожалению, не было, разве что подствольные гранатометы, которые в принципе можно было использовать для ведения навесного огня.

Но боевики нас не тревожили. И мы спокойно готовились к бою. Тоже рыли окопы – на случай обстрела. А химики тем временем заняли круговую оборону. Ночь, темно. Только слышно, как саперные лопаты грызут землю да ухаёт где-то неподалеку миномет. Как тот филин ухаёт, тоску наводит...

Штурм Ханкалы начался с артподготовки. Одновременно огонь открыло доблестное подразделение химической защиты. Непонятно, что померещилось их командиру, но его подчиненные ударили из автоматов и пулеметов по всем направлениям. В том числе они били и по нашим позициям. Били настолько плотно, что не было никакой возможности поднять голову. Тот, кто знает, что такое автоматный огонь почти в упор, – поймет и меня, и моего командира, который из-за идиотизма соседей не стал поднимать нас в атаку.

Я думал, что сейчас химики поймут, какую глупость они совершают. Но не тут-то было. Огонь лишь усиливался. А докричаться мы до них не могли – перекричать грохот автоматов мы были не в силах. И по радиации связаться с ними не могли. Парализована у них была не только система управления и связи, но и мозги командира... Можно было бы забросать этих идиотов гранатами. Но ведь своих же побьем. А мы хоть и не могли подняться в атаку, но потерь среди нас, благодаря мудрости командира, не было. А у них, к счастью, не было гранат... Оставалось уповать только на то, что у придурков закончатся патроны. И они закончились, аж через два часа.

Не только мне хотелось заглянуть в глаза идиота, который устроил эту вакханалию. Первым на позиции химиков ворвался наш командир. Мы за ним. Хотелось бить и добивать недоделанных уродов, но, когда я увидел одного из них, у меня опустились руки и пропала всякая злость. Это был не человек, а какое-то парализованное безумным страхом животное. Ни он, ни его сотоварищи совершенно ничего не понимали. Мы им пытались объяснить, что они стреляли по своим, а они лишь тупо кивали головами. И так же тупо улыбались – от радости, что попали в руки к своим парням, а не к «духам». Разговора с офицером не получилось вовсе – по той простой причине, что его убило еще вчера. Взводом командовал сержант, который, судя по всему, кроме как измываться над молодыми солдатами, в военном деле не смыслил ничего... Я хорошо знал, что такое страх. Самому было страшно до полного обледенения души. Но страх пока что не делал меня идиотом... Глядя в безумные глаза паникеров, я вдруг подумал, что сам пушу себе пулю в висок, если вдруг меня охватит такой вот животный ужас. Я не хотел становиться животным. Я не хотел стрелять в своих...

Штурм Ханкалы закончился днем. Это была первая победа, которую мы одержали. Ценой большой крови. Но это была наша победа. Победа, которой мы не желали. Как не желали приходить на эту чужую для нас землю. Но мы сюда пришли. У нас приказ, и мы должны выполнить его во что бы то ни стало. Такая вот дурацкая логика у русского человека. Верховное командование – дерьмо, но мы обязаны подчиняться ему, чего бы это нам ни стоило.

Глава 4

Тяжелое мрачное небо. Чужое небо. Тяжелый мрачный город. Чужой город. Чужие люди, чужая земля... Я смотрел на Грозный с высоты кургана. И понимал, почему этот город имеет такое название. Он действительно имел очень грозный и, что самое неприятное, неприступный вид. Засевшие в нем боевики уже имели опыт уличных боев, уже умели жечь наши танки из гранатометов, умели убивать. Они вряд ли бы приняли нас с распростертыми объятиями, если бы мы пришли с миром. И уж точно нам не приходилось ждать от них пощады, потому что мы пришли к ним с войной... В лицо мне дул холодный пронизывающий ветер. Но я его не замечал, потому что боялся другого ветра – свинцового. Опасность везде, опасность кругом, и ничего удивительного, если бы мне в лицо задуло снайперскую пулю. Только вряд ли бы я успел удивиться...

Мне говорили, что сегодня у людей будет новогодняя ночь. Говорили, я верил, но тут же об этом забывал. Какой может быть праздник, если сегодня мы идем в Грозный. Только что взяли Ханкалу и сразу же получили задачу на штурм города. А ведь это не какой-то поселок сто на сто метров. Это огромный город. Даже я, непрофессиональный солдат, понимал, что требуется провести передислокацию и сосредоточение войск, провести тщательную и разностороннюю разведку, разработать подробный и, что важно, долговременный план захвата города. Ведь его невозможно брать нахрапом. Его нужно завоевывать улица за улицей, квартал за кварталом, тщательно зачищать каждый дом, каждую канаву, чтобы не оставить за собой ни одной единицы живой силы противника. Но, видимо, кому-то из высшего руководства страны хотелось встретить Новый год во дворце Дудаева, чтобы потешить свою барскую гордыню и самолюбие. Может быть, сам Ельцин был не прочь испить водочки из запасников бывшего советского генерала, а ныне врага... Скорее всего так оно и было, потому что все делалось в спешке. Предстартовая лихорадка напрягала и наводила на страшные мысли не только нас, рядовых бойцов, но и командный состав.

– Ваша главная задача – выжить! – перед строем, не стыдясь своих слов, сказал наш ротный.

Я почему-то был уверен, что мои товарищи из первого батальона слышат те же слова из уст комбата. Но я их слышать не мог, потому что батальон должен был идти в самом конце колонны – замыкать ее и обеспечивать прикрытие с тыла. А без прикрытия никак не обойтись. Ведь перед нами поставили настолько глупую задачу, что вообще не хотелось идти в бой. Мы должны были не нанести, а изобразить главный удар российской группировки, ввязаться в бой и отвлечь на себя основные силы противника. Что будет дальше, никого, похоже, не волновало. По существу, нам уготовили роль смертников. Но ведь сейчас не сорок третий год, когда такие идиотские маневры были в порядке вещей. Тогда людская кровь была что водица... Впрочем, я уже должен был понять, что и наши жизни не ставились ни в грош. Но от выполнения приказа я отказаться не мог. Потому что не мог подвести своих ребят, своего командира. Мне было страшно, у меня тряслись поджилки в ожидании очередной и более жуткой порции светопрествления. Но я все же забрался на броню своей машины, когда прозвучала команда на марш...

Мы шли в середине колонны. Никакого боевого прикрытия – ни спереди, ни с флангов. Время от времени над нами пролетали вертолеты... Эпическая картина. Измазанные грязью и кровью бронемшины, съжившиеся от страха солдаты на броне, а сверху с грохотом проносятся бронированные винтокрылые чудовища. Был бы я сейчас на учениях, я бы решил, что под прикрытием с воздуха нам бояться уж точно нечего. Появись вдруг враг, и летчики тут же накроют его точным ракетно-бомбовым ударом... Но я-то знал, что враг откроет стрельбу в тот момент, когда вертолетов не будет в небе...

Так оно и случилось. Мы прошли военный городок, и началось. В нас стреляли из прилегающих к улице домов – из автоматов, гранатометов, снайперских винтовок. Колонна огрызнулась беспорядочным огнем и, теряя машину за машиной, упорно продвигалась вперед... Остановиться бы, провести зачистку близлежащих кварталов. Людей много, и они бы смогли выполнить поставленную задачу. Но в том-то и дело, что не было задачи остановиться, очистить плацдарм вокруг себя и укрепиться. Нас упорно гнали на убой, а мы упорно двигались навстречу своей смерти...

Первое время потерь было мало, потому что нападения чеченских боевиков носили единичный и точечный характер. Стрельнут, убьют-подождут и наутек – в другую точку. И некому было их остановить, потому что по параллельным улицам не шли специально обученные подразделения внутренних войск, не отстреливали подозрительных типов. Грозный напоминал мне удава с раскрытой пастью. Он даже не пытался атаковать. Он просто ждал, когда жертва сама заберется к нему в глотку, ну и покусывал ее своим острыми и длинными во всю пасть зубами... Я знал, что у удава не может быть таких зубов. Но аналогия все же напрашивалась...

Колонна медленно продвигалась к центру города. У моста нас ждали отнюдь не благодарные жители города. Вместо хлеба-соли – патроны с порохом. Нас обстреляли из крупнокалиберных пулеметов. Очень четко работали снайперы. Юрка Бычков даже вскрикнуть не успел, когда пуля ткнулась ему в лоб аккурат под срез каски. Падая, он успел только взмахнуть руками... Я знал, что это снайпер. Но не знал, откуда он стрелял. Вернее, знал, что стреляют они отовсюду. Пулеметы, гранатометы, минометы, снайперы... Надо было останавливаться, захватывать близлежащие дома, проводить зачистку. Но нас упорно гнали вперед, на убой. Рев, гул, вой, хлопки выстрелов, грохот взрывов... Я знал, что на войне так бывает, знал, что там убивают. Но ради чего умирать, вот в чем вопрос? И этот вопрос мучил не только меня. Он подрывал и без того нулевой боевой дух «пушечного мяса». Вряд ли кто сейчас думал об общей боевой задаче. Сейчас у каждого была своя программа-максимум – выжить. Максимально трудная программа. Но мы должны были ее выполнить...

На мост выехал первый танк. Картина жуткая. Перекрестный обстрел с нескольких сторон сразу. Но удивительно, танк прошел. За ним еще танк, после боевая машина пехоты с мотострелками на броне. Солдаты тоже стреляют, но непонятно куда. Как будто для того стреляют, чтобы отпугнуть смерть. Но ничего не выходит. Убитые, раненые... А колонна продолжает ползти вперед. Подходит и наша очередь. Но, как ни странно, нам везет. Как будто Юрка Бычков своей смертью заговорил нас от пуль на мосту... Глупая мысль, сумбурная. Такая же глупая, как все происходящее... Когда все это закончится, думал я. И стрелял, стрелял...

Мост все-таки прошли. Потери существенные – как в живой силе, так и в технике. Но, как оказалось, это была всего лишь разминка. Или лучше сказать, мост оказался вратами, за которыми начинался ад.

Я знал, что при выводе наших войск чеченцам осталось много боевой техники. Но до начала боевых действий думал об этом как-то отстраненно – ну, осталось и осталось. Сейчас же я был готов перестрелять всех козлов с большими погонами, которые допустили этот беспредел. Из-за них нас убивали нашим же оружием. Один чеченский, некогда советский танк, по башню вкопанный в землю, уничтожил весь авангард колонны. Горящие танки, бэтээры. Колонна стоит. Отстреливается. Бьют танковые орудия, башенные пушки и пулеметы боевых машин. Солдаты залегают, отчаянно стреляют в сторону «чехов». Свои же пули летят над головами. Все тот же бардак и хаос...

Мы тоже стреляем. Нам тоже страшно, но мы – разведчики. Наша задача не только выживать, но и получать информацию о противнике. Самим получать, самим же ее и использовать. Такое ощущение, что общее руководство операцией приказало долго жить. Ни связи, ни взаимодействия...

– Корней, там огневая точка! – показывая рукой на высотный дом, кричит Пашка.

Каска сдвинута на один бок, рот искривлен на другой, лицо чумазое, подбородок в грязи, сам весь как будто из дерьма вылез... Все мы сейчас такие. И хорошо, если бы вылезли из этого дерьма. Нет, мы по уши в нем...

– Игольник!.. Молочан!.. Безуглов!..

От грохота выстрелов я сам себя еле слышал. И меня должны были слышать и мои подчиненные... Да, откликаются, ждут приказа. Жуть как страшно, даже удивительно, что штаны до сих пор сухие. Но даже если бы они были мокрыми, все равно надо подниматься и уничтожать обнаруженную цель. Вперед... У самого поджилки трясутся, а отрываюсь от земли, запрыгиваю на броню. БМП-2 ревет, как тягловый вол в страхе перед волками. Но все же выдвигается к указанному месту. Спешиваемся, вперед перебежками. Все по науке – все, как учили...

До цели оставалось метров семь-восемь, когда сзади я услышал возмущенное урчание мощного дизеля. Обернулся и увидел наш танк. Пушечный ствол смотрит прямо в нашу сторону. Бу-ух!.. Снаряд попал в стену, на которую мы шли. Взрыв, разлетающиеся кирпичи, дым вперемешку с пылью. В голову мне угодил кусок кирпича, и если бы не каска, я бы валялся сейчас с проломленным черепом. Но и без того удар был достаточно ощутимым. Пока я приходил в себя, танк благополучно скрылся из вида... Да, слышал я, что на войне свои стреляют по своим, но не знал, что это явление настолько распространено. Но этот танк хоть огневую точку противника уничтожил, хоть толк от него какой-то был... Хотя вряд ли мне было бы легче на том свете от мысли, что погиб я от своих не зря... Но ведь я не погиб. И с помощью своего друга Пашки кое-как забрался на броню. А вокруг стреляют, а вокруг все гудит и грохочет. Но мне уже не страшно. «Будь что будет», – шелестит в контуженном сознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.